

ЗАПИСКИ

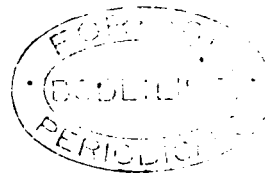
ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССИЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ,

изданный подъ редакціею орд. проф. А. А. Кочубинскаго.

ОДЕССА.

Типографія П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, домъ № 3-й.

1881.

ор. Брусил

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть официальная.

	Стран.
Протоколъ засѣданій совѣта и. нов. ун.: 20-го августа—15 декабря 1880 г.	76—241
Delectus seminum in horto botanico Un. Caes. N. Ros.	242—250

II. Часть ученая.

Ерошевскій Н. О. канд. правъ.—Еъ вопросу о земельномъ кредитѣ	1—188
Успенскій Ѡ. И. о. пр. и. н. ун.—Сочиненія Михаила Акомината, изд. Спир. Лашпроса	187—208
Палаузовъ В. Н. доц. и. н. ун.— Вступительная лекція по уголовному судопроизводству	209—228
Сабининъ Е. Ѡ. о. пр. и. н. ун.— О началѣ наименьшаго дѣйствія.	227—278
Успенскій Ѡ. И. о. пр. и. нов. ун.— Флашицъ Карловичъ Брунъ, 1804—1880 гг. (съ фотографическимъ портретомъ)	279—328

III. Приложеніе.

Малининъ М. И. о. пр. и. нов. ун.— Теорія гражданскаго процесса (продолженіе).	49—99
--	-------

Филиппъ Карловичъ Брунъ

(1804—1880 гг.).

Орд. проф. О. И. Успенскаго.

Воспоминаніе о продолжительной и разносторонней дѣятельности Филиппа Карловича является долгомъ благодарной признательности къ заслугамъ его. Только двухъ мѣсяцевъ не дожилъ онъ до пятидесятилѣтія непрерывной педагогической дѣятельности, при чемъ въ теченіи сорока пяти лѣтъ соединялъ съ преподавательской научную дѣятельность. Этотъ продолжительный, весьма рѣдкимъ выпадающій на долю періодъ учебной и ученой службы, всецѣло посвященъ южнорусскому краю, который въ покойномъ Филиппѣ Карловичѣ имѣетъ самаго энергическаго выразителя своихъ научныхъ нуждъ и задачъ, самаго неутомимаго изслѣдователя своихъ прошедшихъ судебъ. Новороссійскій университетъ считаетъ двухъ профессоровъ, ставившихъ предметомъ своей ученой дѣятельности мѣстную исторію, географію и археологію — В. И. Григоровича и Ф. К. Бруна. Эти два лица, составляющія честь и славу нашего университета, одинъ за другимъ сошли въ могилу, завѣщавши младшему поколѣнію ученыхъ силъ края возвышенныя научныя задачи.

I.

Въ Филиппѣ Карловичѣ Брунѣ нашли сочетаніе весьма привлекательныя качества человѣка и ученаго, чѣмъ обуславливается цѣльный симпатическій образъ, какой создается при этомъ

имени у всѣхъ, имѣвшихъ случай знать его. Постоянное напряженіе ума въ одну и ту же область научныхъ вопросовъ неминуемо влечетъ за собой ограниченіе кругозора и особенный образомъ вліяетъ на характеръ внѣшнихъ отношеній человека. Въ обществѣ извиняютъ ученому многое, за что порицаютъ другихъ, но точно также въ обществѣ эпитеты сухой и скучный слѣдуютъ по пятамъ за ученымъ. Симпатическій образъ Бруна, носящійся передъ нашимъ взоромъ, не чуждъ типическихъ чертъ, соединяемыхъ съ представленіемъ объ ученомъ, но въ этомъ образѣ есть много привлекательнаго и сочувственнаго. Самою живою чертой его характера нужно признать чуткость и отзывчивость на все, что есть въ человѣкѣ человѣчнаго. Въ этомъ было большое его преимущество, обуславливаемое быть можетъ тѣмъ родомъ вопросовъ, широкихъ по своему существу, которымъ посвящена была его пытливая и безустанная дѣятельность. Какъ ни спеціальны его ученые труды, по большей части публикѣ неизвѣстны и недоступны, они предпринимаемы были или по требованіямъ современной жизни, заявлявшимъ запросъ на его знанія и научную опытность, или по побужденіямъ его духа, стремившагося дать себѣ отчетъ въ загадкахъ, которыя возникали передъ нимъ. Его живая и отзывчивая натура способна была безустанно ставить вопросы и стремиться къ разрѣшенію ихъ.

Многими изъ преимуществъ, необходимыхъ для успѣха въ томъ дѣлѣ, которому посвящена была вся жизнь его, въ особенности же настойчивостью и выдержкой въ трудѣ — Брунъ обязанъ своему происхожденію и хорошей школѣ. Равно лишившись отца и матери, принадлежавшихъ къ купеческому сословію во Фридрихсгамѣ, онъ помѣщенъ былъ въ известной тогда въ Петербургѣ пансіонѣ Муральта, въ которомъ и получилъ общее образованіе. Отсюда въ 1821 г. перешелъ въ Дерптскій университетъ и зачислился по философскому факультету. По окончаніи курса университетскаго образованія кандидатъ Брунъ поступилъ на службу по министерству финансовъ, въ Петербургѣ, гдѣ оставался весьма впрочѣмъ не

долго. Въ тѣсномъ кружкѣ онъ дѣлился иногда воспоминаніями, вынесенными изъ грозныхъ событій 1825 года, часть которыхъ совпадала съ его пребываніемъ въ Петербургѣ.

Отмѣтимъ сейчасъ же черту, которая весьма живо рисуетъ будущаго одесскаго ученаго и которая подала поводъ къ весьма распространенному на его счетъ анекдоту. Будучи лично знакомъ со многими изъ декабристовъ и храня въ памяти любопытные факты изъ того времени, онъ очень рѣдко и съ большою осторожностью позволялъ себѣ вдаваться въ такія воспоминанія. Вообще въ разговорахъ о политикѣ былъ весьма робокъ и застѣнчивъ. Кому не извѣстенъ рассказъ о томъ, какъ Брунъ, перепуганный и волнующійся, въ застѣнутомъ на всѣ пуговицы форменномъ сюртукѣ, на ухо сообщалъ своимъ товарищамъ по лицу, что товарищъ министра Норовъ, рѣзисовавшій университеты, *по слухамъ выехала уже изъ Казани!*

Подготовительной школой для послѣдующей ученой дѣятельности и вмѣстѣ большимъ благомъ для Бруна было то, что онъ въ концѣ декабря 1825 г. получилъ отпускъ за границу и пробылъ внѣ Россіи два съ половиной года. Разъ мнѣ случилось видѣть его за границей, именно въ Берлинѣ въ 1876 г. Правда, въ это время Брунъ былъ уже украшенъ сѣдиной и пользовался авторитетомъ ученаго и специалиста въ такой области, которая имѣетъ не многихъ представителей въ Германіи. Его съ почетомъ пріивѣтствовали ученые общества и друзья науки, интересуясь его предпріятіями и его сужденіями. Меня поразилъ тогда избытокъ силъ, который въ немъ сохранился до преклоннаго возраста и та живость и энергія, не замѣченная мной ранѣе, которая выказалась въ Берлинѣ. Какъ рыба, вновь опущенная въ воду—Брунъ нашелъ въ пѣмецкомъ обществѣ свою стихію. Можно догадываться, что эта стихія была для него еще привлекательнѣе въ молодыхъ годахъ, когда онъ штудировалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ и Боннѣ, слушалъ Гегеля и имѣлъ счастье представиться Гёте и провести съ нимъ въ бесѣдѣ $\frac{1}{4}$ Stündchen,

какъ о томъ записано въ его дневникѣ. По всей вѣроятности, этимъ путешествіемъ не опредѣлялась еще будущая дѣятельность Бруна, хотя уже было намѣчено ея направленіе. Не служба въ департаментахъ и канцеляріяхъ, болѣе выгодная и несомнѣнно могущая сулить болѣе благъ—тянула его къ себѣ, и не служба съ помощью протекцій и благосклоннаго вниманія, въ которыхъ не могло быть недостатка въ Россіи для образованнаго молодого человѣка и притомъ нѣмецкаго происхожденія.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ пристроился на полтора года въ департаментъ мануфактуръ и торговли. Къ этимъ занятіямъ онъ не могъ не считать себя приготовленнымъ, такъ какъ за границей удѣлялъ значительное вниманіе изученію политической экономіи и статистики. Вообразите Бруна чиновникомъ департамента, будь это чиновникъ высшаго ранга, составляющій проекты и направляющій административную машину, или стоящій не у важныхъ дѣлъ — столоначальникъ или письмоводитель: сколько нерѣшительности, сколько невѣдѣнія практическихъ потребностей и неумѣнья извернуться и хоронить концы въ воду, а наконецъ — какая масса опущеній и неисправностей, напр. въ поступленіи бумагъ и въ отчетности! — Былъ случай, что Бруна потомъ приглашали къ участію въ администраціи въ Ришельевскомъ лицей и въ обществѣ исторіи и древностей. Говорятъ, что въ первомъ случаѣ изъ страха за опущеніе какихъ-то формальностей, онъ чуть не лишилъ себя жизни. Во второмъ — по случаю заупущенія отчетности принужденъ былъ преждевременно сложить съ себя должность. Такъ, и службу въ департаментѣ онъ долженъ былъ скоро оставить на всегда, какъ не согласную съ его характеромъ и наклонностями.

Съ 1830 г. начинается его педагогическая дѣятельность въ Витебской гимназій. Условія жизни въ Витебскѣ, неблагопріятныя и въ иныхъ отношеніяхъ, сдѣлались тягостными по причинѣ извѣстнаго возстанія поляковъ въ 1831 г. Въ то же время братъ Филиппа Карловича Генрихъ Брунъ получилъ исто въ

Одесскомъ Ришельевскомъ лицѣѣ (профессоръ физики и математики), что опредѣлило и его выборъ. Онъ поѣхалъ въ Одессу и въ 1832 г. вступилъ въ профессорскую корпорацію лица. Съ этого времени и до конца жизни Брунъ по справедливости занималъ видное мѣсто между учеными дѣятелями края и своими трудами на пользу просвѣщенія и науки снискалъ себѣ полное право на благодарную признательность многихъ и многихъ поколѣній. Одесса была свидѣтельницей начала и разцвѣта его плодотворной дѣятельности. Одесса можетъ съ гордостью указать на него какъ на достойнѣйшаго изъ гражданъ.

Уже въ 1854 г. Брунъ выслуживалъ свое двадцатипятилѣтіе, — предѣлъ котораго достигаютъ не многіе изъ братьевъ по оружію, между тѣмъ тогда едва только начала обозначаться та роль, которую ему суждено было играть въ русской наукѣ. Къ этой роли онъ подготовлялся продолжительнымъ опытомъ и упражненіями и, разъ взявшись за нее, прямо показалъ себя мастеромъ. Не безынтересно остановиться вниманіемъ на этомъ промежуточномъ періодѣ, когда Брунъ, поселившись на югѣ, постепенно приходилъ къ сознанію задачъ, предстоящихъ ему какъ археологу и географу. Вспомнимъ фактъ, рельефно отмѣченный имъ самимъ на выходномъ листѣ его «Черноморья». Работы по исторіи и географіи южнаго края начаты имъ съ 1852 года. Все написанное ранѣе этого времени онъ не считалъ особенно важнымъ и достойнымъ перепечатки. Итакъ, цѣлыхъ 20 лѣтъ жизни въ Одессѣ потребовалось для того, чтобы питать въ себѣ то священное пламя, которое не угасало до 1880 года. Этотъ первый и подготовительный періодъ далеко не плодovitъ въ литературномъ отношеніи. Официальное положеніе при Ришельевскомъ лицѣѣ въ качествѣ профессора политической экономіи и статистика и также обязательное сотрудничество въ занятіяхъ Одесскаго Статистическаго комитета — обуславливало направленіе его дѣятельности и давало богатую пищу его пылливому уму. Статистика и политическая экономія, къ которымъ такъ недо-

вѣрчиво относился впоследствии Филиппъ Карловичъ, очевидно, долго пользовались его расположеніемъ. Кромѣ нѣсколькихъ рѣчей о значеніи статистики въ среднемъ образованіи и въ кругу государственныхъ наукъ, онъ составилъ «Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ», вышедшее въ 1842 г. Въ то же время на его долю выпало ознакомиться практически съ самымъ методомъ статистики и съ элементами, на которыхъ зиждутся ея выводы. Въ этомъ отношеніи нельзя не напомнить, что Брунъ долгое время велъ отчеты объ южномъ торговомъ движеніи, печатаемые въ Новороссійскомъ Календарѣ, еженедѣльные извѣстія объ одесской торговлѣ, помѣщаемыя въ Одесскомъ Вѣстникѣ. Нужно вспомнить то время и понять затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться Брунъ, чтобы простить ему его нерасположеніе къ статистикѣ и недоверіе къ ея выводамъ.

Учрежденіе въ Одессѣ Общества исторіи и древностей, поставившаго себѣ задачей открытіе, храненіе и объясненіе памятниковъ мѣстной старины, нужно считать счастливѣйшей эпохой въ исторіи русской науки. Общество собрало ученые силы края и направило ихъ на достиженіе опредѣленныхъ задачъ. Брунъ также применилъ къ этому обществу и свои труды не только способствовалъ къ раскрытію программы его, но и — безъ преувеличенія можно сказать — украсилъ его своимъ именемъ. Въ задачахъ, цѣляхъ и исторіи ученаго общества лежитъ разгадка энергической дѣятельности Бруна. Трудно сказать, общество ли оказало честь Бруну, избравъ его своимъ членомъ, или Брунъ обществу, помѣщая свои изслѣдованія въ его изданіяхъ. Первые труды его, помѣщенные въ I и II т. Записокъ общества исторіи и древностей, носятъ библиографическій характеръ — оцѣнка иностранныхъ сочиненій, иныя отношеніе къ географіи и исторіи южной Россіи. Самостоятельныя его изслѣдованія въ той же области начинаются съ пятидесятихъ годовъ, почти на канунѣ отставки за выслугой двадцатипятилѣтія. Здѣсь умѣстно будетъ выставить обстоятельства, безъ которыхъ дѣятельность Бруна не получила

бы того широкаго и плодотворнаго развитія, какое ей суждено было обнаружить впоследствии ко благу русской науки.

Находки играют весьма важную роль въ жизни обществъ и отдѣльныхъ личностей. Ученая находка иногда даетъ направленіе многимъ поколѣніямъ. Одесское общество можетъ похвалиться не одной такой находкой. Не дальше какъ годъ тому назадъ оно сдѣлало находку въ Херсонисѣ, на которую впрочемъ больше обратили вниманія за границей, чѣмъ у насъ. Во II т. Записокъ общества можно видѣть статью Беккера «Тирасъ и Тириты», написанную по поводу найденнаго передъ тѣмъ памятника въ Тираспольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Коротномъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра въ 35 в. отъ Тирасполя. Это мраморная плита вышиной въ 1 арш. 13 вершк., шириной въ $17\frac{1}{2}$ вершк. и толщиной въ $3\frac{1}{4}$ вершк., на лицевой сторонѣ ея надпись въ 45 строкъ. Последняя вводитъ въ событія и отношенія, касающіяся римскаго господства и вліянія въ черноморскомъ краѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, эта находка возбудила научное любопытство членовъ общества и, не удовлетворившись первыми объ ней свѣдѣніями, сообщенными Беккеромъ, нашъ Брунъ предпринялъ поѣздку къ мѣсту находки и результаты своихъ личныхъ наблюденій во первыхъ помѣстилъ въ III т. Записокъ общества, во вторыхъ сообщилъ издателю латинскихъ надписей въ Берлинѣ Моммсену. Изслѣдованія, стояція въ связи съ Тирасской надписью, составляютъ поворотный пунктъ въ дѣятельности Бруна. Съ этихъ поръ открылась передъ нимъ настоящая дорога кропотливаго труда, услаждаемаго внутреннимъ сознаніемъ успѣха и пользы для грядущихъ поколѣній.

Общество исторіи и древностей никогда не располагало значительными средствами и не могло ни поощрять платой ученые труды своихъ сочленовъ, ни вообще оказать имъ матеріальную поддержку. Вышедши въ отставку въ 1854 г., Брунъ сталъ получать пенсію въ 857 р., которая не могла удовлетворять насущныя потребности его многочисленнаго семейства. Выходъ въ отставку могъ имѣть роковое значеніе и

для его ученой карьеры, и для его материального благосостояния. Но тутъ и сказалась та выдержка и настойчивость, которою обладалъ Брунъ въ крупныхъ размѣрахъ. Не бросая частію начатыхъ, частію намѣченныхъ археологическихъ работъ, онъ принялся за преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ и за частные уроки. Не думаю, чтобы особенно прибыльны были эти занятія, такъ какъ въ это трудное время онъ долженъ былъ продать свой домъ, — на покрытіе расходовъ по потребностямъ жизни. Къ началу шестидесятыхъ годовъ безкорыстная научная дѣятельность бывшего профессора Рихельевского лицея, замѣченная уже за границей, обратила на себя вниманіе петербургскихъ высшихъ ученыхъ учрежденій, что не могло не оказать вліянія на дальнѣйшую судьбу его. Во первыхъ, результаты его изслѣдованій стали появляться въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ и вызвали лестные отзывы какъ въ изданіяхъ академіи, такъ и за границей. Во вторыхъ, Археологическая Комиссія въ Петербургѣ почтила его предложеніемъ провѣрить на мѣстѣ показанія Геродота о Скиѣи. Это послѣднее предложеніе въ особенности должно было подействовать на предприимчиваго ученаго весьма благотворно. Скиѣи Геродота останется всегда пробнымъ камнемъ въ археологіи южнаго края. Ознакомленіе съ элементарными требованіями критики, стоящими въ связи съ литературой Геродота, необходимо для русскаго археолога въ той же степени, какъ критика Тацита для нѣмецкаго археолога. Брунъ съ свойственной ему живостью и энергіей отнесся къ порученію Археологической Комиссіи и подвергъ точному изученію литературу вопроса и строгому анализу извѣстія отца исторіи.

Въ связи съ этимъ трудомъ, поставившимъ прочно ученое имя Бруна, должно разсматривать существенное измѣненіе въ материальномъ его положеніи. Еще въ 1862 г. В. И. Григоровичъ, лучше другихъ могшій оцѣнить ученныя заслуги Бруна, обратилъ вниманіе на его трудъ «Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море» и высказался весьма сочувственно къ научной дѣятельности автора. Когда

Ришельевскій лицей былъ преобразованъ въ университетъ, ученая университетская корпорація отдала съ своей стороны справедливость Бруну, пригласивъ его въ университетъ для чтенія лекцій по исторіи. Это было впрочемъ заслуженное Филиппомъ Карловичемъ право, хотя нѣкоторыя существенныя съ формальной стороны обстоятельства препятствовали ему занять то положеніе въ университетѣ, на которое онъ имѣлъ право и по своимъ лѣтамъ и по ученому авторитету. Формальныя препятствія, о которыхъ мы говоримъ, заключались въ томъ, что шестидесятилѣтній Брунъ долженъ былъ сначала получить ученую степень въ русскомъ университетѣ, а потомъ уже могъ быть избранъ на штатную должность. Въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ Бруну, весьма настойчиво указывается на холодное отношеніе Новороссійскаго университета къ ученымъ заслугамъ его и на интриги въ университетской корпораціи, имѣвшія слѣдствіемъ преждевременное устраненіе его отъ активнаго участія въ дѣятельности совѣта и факультета. Мнѣ представляется возможнымъ освѣтить этотъ вопросъ иначе. Уже самое приглашеніе Филиппа Карловича въ университетъ, хотя бы и исправляющимъ должность доцента, свидѣтельствуетъ о признаніи его ученыхъ заслугъ. Скажемъ болѣе, это почетное приглашеніе открыло ему такія средства къ продолженію научной дѣятельности, какихъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ частію потому, что посвящалъ много времени частнымъ урокамъ, частію же потому, что не имѣлъ подъ руками тѣхъ средствъ, какія могла ему предоставить университетская корпорація. Рѣдкія старыя книги и дорогія новыя изданія стало возможно пріобрѣтать ему именно только съ этого времени. Такъ что безспорно, 1866 годъ имѣлъ для научной дѣятельности Бруна такое же благодѣтельное значеніе, какъ упомянутая выше находка надписи въ селѣ Коротномъ. Не забудемъ и того, что Новороссійскій университетъ разрѣшилъ въ высшей степени деликатно и тѣ формальныя затрудненія, которыя все еще препятствовали Филиппу Карловичу воспользоваться всѣми правами университетской службы. Въ 1868 г. совѣтъ удостоилъ его

высшей ученой степени, поднесши ему званіе почетнаго доктора всеобщей исторіи и открывъ ему такимъ образомъ право къ полученію высшихъ профессорскихъ степеней^{*)}). Не могу скрыть, для меня прискорбно то обстоятельство, что, прослуживъ въ университетѣ пять лѣтъ, Брунъ долженъ былъ подать въ отставку и окончилъ службу экстраординарнымъ профессоромъ (въ 1871 г.), т. е. не достигнувъ ординатуры. Званіе ординарнаго профессора было имъ также заслужено, какъ и докторская степень. Последнюю Брунъ могъ бы получить и въ любомъ изъ русскихъ университетовъ, званіе же ординарнаго профессора только въ Новороссійскомъ университетѣ. Повторяю, для меня прискорбно это обстоятельство, и я затрудняюсь разъяснить его себѣ. Но лично для меня представлялся бы также умѣстнымъ вопросъ: почему Брунъ не избранъ былъ въ члены академіи наукъ? — Его ученая компетентность соотвѣтствовала бы и этой высокой чести, а не только званію ординарнаго профессора. По всей вѣроятности, нужно приписать первоначальному составу Новороссійскаго университета то обстоятельство, что Бруну не только не воздано было все должное въ періодъ его пятилѣтней службы въ университетѣ, но даже отнята была у него возможность баллотироваться на второе пятилѣтіе въ 1871 г. Что главнѣйшіе мотивы, которыми руководился тогдашній совѣтъ университета въ сужденіи о Брунѣ были случайнаго и временнаго свойства, видно изъ того, что Брунъ какъ профессоръ и руководитель оставался незамѣненнымъ для факультета до самой своей смерти. Въ теченіе девяти лѣтъ онъ ежегодно приглашаемъ былъ пре-

---

*) Службѣ въ университетѣ онъ обязанъ былъ многими отрядными событиями въ жизни. Укажу хоть на его путешествіе на археологическій съѣздъ въ Москвѣ въ 1869 г., при чемъ онъ воспользовался командировкой университета соединенной съ денежной выдачей въ 500 р., для путешествія въ Петербургъ и за границу, гдѣ имѣлъ удовольствіе видѣться съ друзьями юности и съесте знакомство съ свѣтилками науки, завязать такимъ образомъ сношенія съ иностранными учеными, что не могло не отразиться весьма выгодно на его дальнѣйшихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

подавателемъ исторіи по найму и въ то же время исполнялъ различныя порученія факультета и совѣта, какъ представитель отдѣльной и самостоятельной области знанія. Въ виду этого рода фактовъ, а также и того, что съ 1871 г. Брунъ неослабно продолжалъ ученую и литературную дѣятельность, опубликовавъ болѣе 20 изслѣдованій, мы съ сожалѣніемъ должны отмѣтить, что совѣтъ не относился съ желательной послѣдовательностію къ заслугамъ нашего ветерана науки. Можетъ быть, тѣ изъ гг. членовъ совѣта, которые участвовали въ событіяхъ университетской жизни конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, могли бы припомнить кое-какіе подробности, относящіяся къ дѣлу о Брунѣ, можетъ быть ихъ припоминанія освѣтили бы тѣ внутреннія отношенія университетской корпораціи, которыя обуславливали его отставку.

Каедрѣ исторіи въ Новороссійскомъ университетѣ занята была тогда профессоромъ Брикнеромъ, который впрочемъ оставилъ университетъ въ 1872 г. Преподаваніе всего предмета сосредоточилось на Ф. К. Брунѣ. Молодыхъ преподавательскихъ силъ не предвидѣлось, и профессоръ Брунъ выполнялъ, на сколько можно было это одному лицу, программу преподаванія исторіи въ университетѣ. Онъ читалъ и общіе и спеціально курсы, въ особенности сердца его лежало къ курсамъ по исторіи географическихъ открытій. Съ теченіемъ времени каедрѣ эта занята была тремя лицами, но ни одинъ изъ нихъ порознь, ни всѣ вмѣстѣ никогда не претендовали замѣнить преподаваніе Бруна, преклоняясь передъ его широкими знаніями въ спеціальной, ему одному доступной области, и считая честью для университета принадлежность Бруна къ составу преподавательскому. Такія воззрѣнія были господствующими въ совѣтѣ. Не разъ приходилось намъ слышать: Брунъ составляетъ честь университета, онъ долженъ умереть на каедрѣ. Для людей, всю жизнь посвятившихъ наукѣ, что съ полной справедливостію можно сказать о Брунѣ, возможность не порывать связей съ университетомъ есть немалѣнкое благо. Ничто не можетъ быть тяжелѣй утраты

права — читать лекціи. Это становится для многихъ привычкою, сродной стихіей, цѣлью жизни. Я припоминаю изъ времени студенчества слова тоже стараго профессора и тоже извѣстнаго ученаго, съ которыми онъ обратился разъ къ своей аудиторіи: «Я не могу представить себя не на кафедрѣ, я долженъ читать и буду читать до послѣднихъ дней. Если я буду слабъ и мнѣ измѣнять силы, мои дѣти будутъ меня водить въ эту аудиторію и сажать на кафедру». — И онъ дѣйствительно не испыталъ удара не читать въ университетѣ. Филиппъ Карловичъ тоже имѣлъ тихую радость читать до конца дней и погаснуть, все еще питая въ душѣ новыя замыслы и научныя предпріятія. Онъ умеръ съ честью, не посрамивъ своего оружія и имѣвъ еще особенное утѣшеніе пересмотрѣть вновь всѣ свои малыя и большія изслѣдованія, видѣть ихъ перепечатку въ изданіи Новороссійскаго университета и испытать удовольствіе лестнаго приема, какого удостоилось его дѣтище *Черноморье* въ Академіи Наукъ. Замѣтимъ при этомъ еще разъ: новое изданіе спеціальныхъ изслѣдованій, которое не можетъ разсчитывать на большую публику и слѣдовательно едва ли скоро окупится, было бы не по средствамъ Бруна, если бы и въ этомъ университетѣ не пришелъ къ нему на помощь, принявъ на свой счетъ издержки изданія. Въ этомъ нельзя не видѣть новаго доказательства, что университетъ не переставалъ относиться къ Бруну съ полнымъ уваженіемъ и высоко цѣнилъ его заслуги наукъ.

Брунъ выполнилъ задачу жизни какъ ученый и какъ человекъ. Объ немъ несправедливо сказать, что онъ унесъ въ могилу недосказанныя мысли, недоконченныя предпріятія. Объ его дѣятельности возможно уже составить безпристрастное сужденіе.

Мое личное знакомство съ Бруномъ началось въ 1874 г. когда я былъ избранъ въ Новороссійскій университетъ доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Многое побуждало меня ознакомиться съ этимъ ветераномъ науки: и его ученое имя: привлекательный предметъ его занятій и его удивительная б-

читанность. Выпадают ученые очень высокой пробы, но с ними послѣ перваго разговора чувствуешь желаніе держаться подалше. Это педанты, сухіе люди, книжные грызуны. Выпадают ученые и сомнительнаго достоинства, умѣющіе бросать пыль въ глаза и могущіе заразѣ выложить передъ вами свою скудную ученость, и сѣ ними не такъ пріятно встрѣтиться лишній разъ. Брунъ обладалъ подавляющими знаніями, былъ неостодимъ въ цитатахъ и указаніяхъ. Случалось нерѣдко жутко себя чувствовать передъ этимъ живымъ каталогомъ, забрасывающимъ васъ фактами и именами. Но въ Брунѣ все вышло весьма естественно, собесѣдникъ скоро убѣждался, что это не напускное чувство, не желаніе порисоваться, а обнаруженіе душевнаго содержанія, желаніе подѣлиться мыслями, занимающими въ то время умъ. Достаточно было вставить одно замѣчаніе, указать иной взглядъ на затронутый имъ вопросъ, или назвать недавно вышедшую книгу, чтобы тутъ же убѣдиться, что вашъ собесѣдникъ дѣйствительно интересуется содержаніемъ дѣла и не поучаетъ только, но желаетъ поучаться.

Не разъ мнѣ представлялся назойливый вопросъ при взглядѣ на Бруна, какъ онъ могъ разрѣшить практическую сторону той великой загадки, которую представляетъ жизнь. — Жизнь пережить — не поле перейти. Правда, онъ не собралъ лавровъ, не сдѣлалъ карьеры, не составилъ состоянія; но это въ порядкѣ вещей. Не онъ первый, не онъ послѣдній на службѣ наукъ будетъ бороться съ нуждой. Нѣтъ, меня занималъ другой вопросъ: почему общество, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Брунъ, ближайшая среда, отъ вліянія которой никто не властенъ освободиться, подвергался ея вліянію съ теченіемъ долгихъ лѣтъ, что эта среда не оказала на Бруна невыгоднаго вліянія. Какъ будто онъ полвѣка назадъ сложился въ опредѣленный типъ и, разъ сложившись, въ немъ встлѣлъ и окрѣпъ. Лучшія и болѣе сочувственныя стороны его характера — именно тѣ, которыя менѣе всего встрѣчаются въ обществѣ. Это была натура въ высшей степени благо-

родная, доверчивая и отзывчивая на все возвышенное и честное. Никто не слыхалъ отъ него жалобъ на судьбу, которая не была для него расточительна на дары. Его чистой душѣ чуждъ былъ самый обыкновенный и распространенный недостатокъ — злословіе. Были и у него недоброжелатели, были такіе, которые поражали его въ самое чувствительное мѣсто, не деликатно затрогивая его симпатіи и убѣжденія, — и не смотря на то никогда рѣзкое слово не сходило съ его языка, даже за это онъ не позволялъ себѣ осужденія. Какъ характерный признакъ его чистоты можетъ быть указано слѣдующее: слыша отъ другихъ дурной отзывъ, онъ всегда выражалъ на лицѣ крайнее удивленіе: какъ будто ему не приходило въ голову и замысла заподозрить другаго въ дурномъ. Его вѣра въ людей была нерѣдко причиной значительныхъ матеріальныхъ потерь; его склонность дѣлиться занимающими и волнующими мыслями, не тая даже и того, что составляло результатъ продолжительныхъ изслѣдованій и утомительныхъ справокъ въ фоліантахъ, немногимъ извѣстныхъ, нерѣдко эксплуатирована была неразборчивыми на средства людьми. Есть труды Бруна, подъ которыми подписаны другія имена. И матеріальныя потери и ученая эксплуатация не могли долго оставаться для него неизвѣстными; но это нисколько не измѣняло его возрѣній и его отношеній къ людямъ. *Все минется, одна правда остается!* Вообразите себѣ въ наше время и въ нашей обстановкѣ человѣка, проводящаго неуклонно этотъ высокій принципъ — конечной побѣды правды, конечнаго торжества добра на землѣ! Не представится ли такой человѣкъ выходцомъ изъ иного міра, о которомъ мы мечтали въ золотой юности, и не разбивались ли наши мечтанія при первомъ же соприкосновеніи съ реальной жизнью. Эти дѣйствительно рѣдкія и безспорно возвышенныя качества приобрѣтаютъ особенную цѣну на томъ мѣстѣ, на которомъ дѣйствовалъ Брунъ. Въ тѣхъ разнообразныхъ отпешеніяхъ, въ которыя приходитъ профессоръ къ подроставшимъ поколѣніямъ, проходящимъ черезъ университетъ, благородныя свойства души Бруна играли высокую просвѣтитель-

ную роль. И на отдаленномъ сѣверѣ, и въ центрѣ Россіи не мало встрѣчали мы его учениковъ и ученицъ, хранящихъ чувства теплой признательности къ старику — Бруну; приходилось слышать и добрыя и тяжелыя воспоминанія о протекшихъ годахъ юности и воспитанія, но имя Бруна у всѣхъ вызывало одно хорошее, благодарное чувство, какъ будто одно это имя еще поддерживало вѣру въ идеалы, въ существованіе возвышенныхъ задачъ. Годъ назадъ, читая въ мѣстныхъ газетахъ некрологи и воспоминанія, посвященные Бруну его бывшими слушателями по университету и почитателями, мы не могли не привести себѣ на память и того, что гораздо раньше приходилось слышать отъ его учениковъ по лицю и ученицъ по институту. Да, думалось намъ, онъ исполнилъ свой долгъ, потому что сѣялъ добрыя чувства. Плодотворныя влиянія, выносимыя изъ школы, сообщаются не столько въ аудиторіи, какъ въ домашнихъ бесѣдахъ и въ частномъ обращеніи. Брунъ не создавалъ школы въ истинномъ смыслѣ этого слова, но его идеальныя принципы, его гуманность и снисходительность, его довѣріе къ силамъ юности не могли не привлекать къ нему молодыхъ людей, которые охотно шли къ нему за совѣтами, указаніями и книгами. Этими путемъ ему удавалось достигать влиянія и нравственнаго воздѣйствія на молодежь.

Есть прекрасный поэтический образъ, разъ уже нашедшій приложеніе къ характеру Бруна. Когда происходилъ дѣлежъ земли, поэтъ не получилъ въ удѣлъ ни одной области, ни одной части и долженъ былъ ограничиться надземнымъ міромъ. Всякій разъ, когда являлась возможность устроить карьеру, получить прочное положеніе, соединенное съ болѣе обеспеченнымъ окладомъ, Брунъ оказывался въ положеніи того поэта: жеребьи разбирались другими, а на его долю оставались возвышенныя теоріи, проблемы и литературныя предпріятія.

Типъ людей, къ которымъ въ общезитіи идетъ названіе не отъ міра сего, смѣемъ думать, сохраняется въ очень незна-

чительномъ числѣ. Они не могутъ удержаться тамъ, гдѣ господствуетъ борьба за существованіе. Въ борьбѣ такіе люди всегда должны проигрывать, потому что для нихъ недоступны всѣ средства, ведущія къ цѣли. Задумываясь же въ выборѣ средствъ я не желая марать руки нечистымъ оружіемъ, люди не отъ міра сего по необходимости должны проигрывать на аренѣ жизни и быть устранены съ широкой дороги. Только одна область, принадлежащая одинаково какъ земному, такъ и надземному міру и соединяющая въ себѣ божеское и человеческое, по временамъ выставляетъ и поддерживаетъ такіе типы. Въ этой области нѣтъ, по крайней мѣрѣ не должно быть мѣста неутолимой борьбѣ и самоуничтоженію. Брунъ по складу своего характера принадлежитъ къ избраннымъ людямъ въ царствѣ науки. Ради такихъ избранныхъ прощаются многіе грѣхи и царствамъ и градамъ. Я не придаю большого значенія тому обстоятельству, что Брунъ, умершій на дѣйствительной службѣ наукъ, считался послѣдніе годы постороннимъ преподавателемъ университета. Для меня важнѣе то, что университетъ не устранилъ Бруна съ дороги, не вызвалъ его на борьбу за существованіе и не заставилъ его искать иныхъ способовъ къ существованію. Только въ связи съ университетомъ поэтъ-Брунъ создалъ себѣ ту стихію, которая соотвѣтствовала его духовной природѣ и вызвала развитіе и проявленіе его мощныхъ силъ.

Возможно ли въ самомъ дѣлѣ на иномъ поприщѣ и въ иной житейской обстановкѣ сохранить ту колоссальную наивность, ту дѣтскую невинность и простоту, которою всегда отличался профессоръ Брунъ? — Столько вѣры въ идеальные принципы, такая душевная чистота могла и можетъ водиться только въ царствѣ науки.

Брунъ экзаменуетъ студента, этотъ плохо отвѣчаетъ и путается.

— Чтѣ же вы плохо знаете господинъ.... Да вы и не знали, кажется, на мои лекціи?

— Нѣтъ, г. профессоръ, я ходилъ, только вы не примѣчили меня... за толпой!

— Толпа? Толпа? — И поднимая два пальца, профессоръ возглашалъ: Два! вотъ какая толпа!

II.

Между учениками Филиппа Карловича найдутся такіе, которые суждѣютъ лучше насъ помянуть его преподавательскую дѣятельность. Мы желаемъ здѣсь обратить преимущественно вниманіе на научныя стремленія бывшего нашего товарища по университету и на тѣ результаты, которые добыты имъ и оставлены въ наслѣдство Новороссійскому университету и чрезъ него русской исторической наукѣ.

Да, Филиппъ Карловичъ понемногу собиралъ наслѣдство и оставлялъ значительный запасъ пріобрѣтеній. Сорокъ пять лѣтъ распорядился онъ литературнымъ складомъ предшествующихъ столѣтій. По зернышку—ворохъ, говоритъ пословица. Весьма немногимъ выпадающій на долю продолжительный періодъ ученой дѣятельности Бруна тѣмъ болѣе привлекаетъ наше вниманіе, что онъ стоитъ въ неразрывной связи съ исторической ролью двухъ высшихъ ученыхъ учреждений южной Россіи: Новороссійскаго университета и Одесскаго Общества исторіи и древностей и сосредоточивается главнѣйше на разрѣшеніи археологическихъ и историческихъ задачъ нашего края. Разобраться въ наслѣдствѣ, оставленномъ покойнымъ Бруномъ—есть задача обязательная для тѣхъ, кому досталось это наслѣдство.

Научная дѣятельность Филиппа Карловича относится къ кругу спеціальныхъ вопросовъ, которымъ читающая публика остается чужда пожалуй и не у насъ только. Можно указать однако существенную разницу въ отношеніи публики къ специалисту у насъ и въ Европѣ. У насъ игнорируетъ публика того, кто не умѣетъ говорить доступнымъ ей языкомъ, или останавливаетъ вниманіе на вопросахъ, не имѣющихъ въ данный мо-

ментъ значенія. Проходить длинный рядъ годовъ прежде чѣмъ результаты продолжительныхъ и кропотливыхъ разысканій сдѣлаются достояніемъ сначала образованной публики, потомъ школы. Распространенію знаній всегда и вездѣ способствовали печать и школа. Можно навѣрно и безошибочно сказать, что учебникъ есть самое лучшее и благодарное помѣщеніе добытыхъ специалистами запасовъ знаній. Посредствомъ учебника знанія дѣлаются достояніемъ массъ и усвоятся народомъ. Въ этомъ отношеніи для распространенія специальныхъ пріобрѣтеній въ области научной необходимо предполагается, при правильномъ ходѣ дѣла, два передаточные органа, которые вліяютъ и на ходъ знаній и на распространеніе и популяризацию ихъ. Если литература не черпаетъ матеріалъ изъ специальныхъ изслѣдованій, не говоря уже о другомъ, она пріостанавливаетъ развитіе знаній. Ибо рѣдко новыя пріобрѣтенія попадаютъ въ школу и закрѣпляются учебниками, не бывъ предварительно распространены между образованной публикой посредствомъ популярныхъ статей въ журналахъ. Закопъ раздѣленія труда ищетъ настойчиво примѣненія въ отношеніяхъ между наукой и литературой.

При отсутствіи правильнаго преемства идей и сюжетовъ въ наукѣ и серьезной литературѣ, при недостаткѣ органической связи между той и другой—терпитъ одинаковый ущербъ наука и литература. Такое отсутствіе преемства и связи замѣчается у насъ, не въ примѣръ другимъ странамъ. Если бы искать коренной причины, обуславливающей это явленіе, она нашлась бы въ совершенно разнообразныхъ цѣляхъ и задачахъ, преслѣдуемыхъ нашей литературой и нашей наукой. Первая, задаваясь совершенно понятной цѣлью удовлетворить вкусамъ и требованіямъ большинства читателей, часто если не всегда, уклоняется отъ обязанности развивать вкусъ и вызывать потребности публики. Вторая же, не пользуясь содѣланнымъ литературой, лишена прямого воздѣйствія на общественное сознаніе и притомъ исходитъ изъ другаго также совершенно понятнаго и справедливаго принципа — служить к

интересамъ минуты, но подготовить матеріалы къ разрѣшенію болѣе широкихъ и глубокихъ требованій духа, слѣдую своей особой научной традиціи какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ способахъ ихъ обработки. Было бы несправедливо порицать замѣнотность науки въ той же мѣрѣ, какъ ошибочно рекомендовать литературѣ инныя задачи. На западѣ не существуетъ такой разобщенности интересовъ и задачъ не потому, чтобы тамъ наука или литература поставлена была совершенно иначе и преслѣдовала другія цѣли. Спеціальныя изслѣдованія и разысканія и тамъ не читаются публикой, но тамъ хорошо организована система передачи и популяризаціи добытыхъ специалистами результатовъ. Есть много литераторовъ и писателей, которые скоро распространяютъ въ публикѣ популярными статьями массу научныхъ свѣдѣній, которые слѣдовательно слѣдятъ за научной литературой, къ какой бы узкой специальности она ни принадлежала. Этимъ достигается обмѣнъ идей и тѣсная связь между наукой и литературой. Лучшіи примѣры изъ той области, къ которой принадлежатъ изслѣдованія Бруна, представляютъ въ нѣмецкой наукѣ, литературѣ и школьныхъ руководствахъ факты, касающіеся нѣмецкой археологіи и древней исторіи. Изслѣдованія, стоящія въ связи съ изданіемъ лѣтописей, и принадлежащія специалистамъ, по преимуществу профессорамъ, не могутъ быть книгами доступными для публики. Но они вызываютъ появленіе популярныхъ книгъ для образованной публики, которыя расходятся уже въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ, составители учебниковъ вносятъ въ свои курсы поправки, дополненія и разъясненія, добытыя изъ первоначальнаго источника. И все это совершается скоро, въ какихъ-нибудь два три года. Такъ что, совершенно спеціальная археологическая или историческая находка входитъ въ гимназическіе курсы путемъ послѣдовательной и правильной передачи.

Если мы обратимся ближайше къ постановкѣ у насъ вопроса о распространеніи въ публикѣ добытыхъ специалистами результатовъ, то встрѣтимся съ явленіями особаго мѣстнаго

характера. Русскій изслѣдователь не находитъ посредника, публика не нуждается въ немъ и часто не находятъ сбыта его изслѣдованія. Ошибки и ложныя мнѣнія держатся въ публикѣ и школѣ цѣлые десятки лѣтъ; сухія и спеціальныя археологическія и историческія разысканія, помѣщенныя въ казенныхъ изданіяхъ, какъ бібліографическая диковинка, украшаютъ не многія бібліотеки. И все это совершенно нормально и правильно, все это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока литература не будетъ относиться внимательнѣе къ прямой своей обязанности — популяризовать знанія, пока не выдѣлится рядъ лицъ, которыя примутъ на себя благодарную задачу ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ области спеціальныхъ, мало извѣстныхъ изданій и не передадутъ главные результаты этихъ изысканій публикѣ въ общедоступномъ изложеніи. Если наша печать не выдѣлитъ часть своихъ силъ на литературную обработку вопросовъ, о которыхъ мы говоримъ, то разладъ между наукой и литературой неизбежно будетъ продолжаться ко взаимному ущербу для литературы и науки. Наукѣ русской, наукѣ казенной, официальной или мундирной постоянно дѣлается упрекъ въ томъ, что она намѣренпо, ради собственныхъ интересовъ — для того чтобы скрыть собственную слабость — установила и поддерживаетъ замкнутость. Обвиненія этого рода направляются по преимуществу на представителей наукъ историческихъ, литературныхъ, въ особенности на занятія разнаго рода вопросами древности. Не думаемъ, чтобы можно было серьезно защищаться противъ обвиненій такого рода, имѣющихъ основаніе въ недоразумѣніи. Наука имѣетъ свои права, свою традицію, необходимо предоставить ей темные вопросы, заброшенные уголки; мелочныя разысканія питаютъ науку подобно тому, какъ большую рѣку питаютъ горныя ручьи и малыя рѣчки. Вырубаятъ дѣса при верховьяхъ рѣки и рѣка мелѣетъ; перестаютъ обрабатывать сырые матеріалы и наука понижается. Больше значенія можетъ имѣть то обвиненіе, что наши официальные ученые ничего не пишутъ кромѣ своихъ диссертаций, или что вообще они не снисходятъ до публики, т. е. не и-

шутъ статей въ журналахъ. На этомъ упрекѣ можно нѣсколько остановиться, хотя и онъ далеко не имѣетъ за собой значенія. Вслѣдствіе созданнаго журналистикою направленія—отвѣчать запросамъ публики, она сама обратилась въ рабыню публики и должна зорко слѣдить за своевольными капризами прихотливыхъ читателей. Сколько журналовъ падало въ послѣднее время жертвой попытки измѣнить направленіе въ пользу серьезности матеріала? Если вопросы современности составляютъ, что и справедливо, содержаніе нашей журналистики, то ни одинъ редакторъ журнала не долженъ дать мѣста въ своемъ изданіи статьѣ, лишенной характера современности. Журналистика слишкомъ ограничила кругъ понятія современныхъ вопросовъ, вытѣснивъ изъ оборота многое, что также имѣетъ отношеніе къ разнообразнымъ потребностямъ современнаго общества. Русскому ученому открытъ только специальный журналъ, издающійся на казенныя средства, но такихъ журналовъ не признаетъ литература и не читаетъ наша публика. Знакомить-ли хотя одинъ журналъ съ нашими историческими, археологическими, юридическими и каноническими статьями, появляющимися напр. въ изданіяхъ Археологической или Археологической Комиссіи, въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, въ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ, или наконецъ въ духовныхъ журналахъ, издаваемыхъ духовными академіями? Между тѣмъ въ этихъ изданіяхъ заключаются результаты весьма крупныхъ нашихъ историческихъ движеній, отмѣчаемыхъ чаще иностранною, чѣмъ русскою печатью? Такихъ обзоръ, русская наука развивается въ такихъ изданіяхъ и въ такомъ направленіи, которое отрицаетъ наша журналистика, или котораго она не желаетъ признавать. Сущность дѣла сводится къ тому, что наша журналистика не знакомитъ съ явленіями нашей ученой литературы, которая существуетъ и развивается сама по себѣ и результаты которой остаются неизвѣстны публикѣ вслѣдствіе неправильныхъ отношеній, установившихся между наукой и литературой.

Можетъ быть выставлено противъ представителей оффи-

ціальної науки возраженіє еще съ другої сторони. Почему они не пишуть доступнимъ большинству читающей публики языкомъ, почему не излагають результатовъ своихъ изслѣдованій въ общедоступной формѣ? Этотъ упрекъ иногда формулируется въ томъ видѣ, что многіе пишутъ на иностранныхъ языкахъ, обрекая себя на недостаточный кругъ читателей и во всякомъ случаѣ рискуя неизвестностью среди русскихъ читателей. — Не всякому доступенъ талантъ изложенія. Многіе дѣйствительно лишены дара писать живо и увлекательно. Изслѣдованіє имѣеть право на другую форму, чѣмъ повѣствованіє. И весьма часто не только у насъ, но и вездѣ хорошій изслѣдователь есть дурной разказчикъ. Желательно и похвально соединеніє въ одномъ лицѣ того и другаго качества, но несправедливо требовать обязательнаго стремленія изслѣдователя къ общедоступности, тѣмъ болѣе, что желаніє быть популярнымъ можетъ невыгодно отразиться на той сторонѣ, которая должна составлять его силу. Что касается до печатанія статей русскими учеными на иностранныхъ языкахъ, по справедливости говоря, тутъ нѣтъ большой бѣды. Специальная статья на русскомъ языкѣ будетъ прочтена десяткомъ другихъ специалистовъ; таже статья на иностранномъ языкѣ можетъ имѣть сотню читателей и встрѣтить оцѣнку со стороны знатоковъ дѣла. Такъ что, при томъ неправильномъ отношеніи печати къ наукѣ, о которомъ мы говоримъ, это послѣднее стремленіє—писать на иностранныхъ языкахъ можетъ быть рассматриваемо какъ дѣло необходимости, создающее для автора большую массу читателей и оберегающее его противъ забвенія и замолчанія.

Всѣ эти замѣчанія мы считали нужнымъ сдѣлать, чтобы ввести въ занимающій насъ предметъ: объ ученомъ и литературномъ наслѣдствѣ, оставленномъ Бруномъ. По роду своихъ занятій Брунъ былъ специалистомъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ интересовался вопросами, которыми не занималась текущая литература, писалъ въ малоизвѣстныхъ публикѣ изданіяхъ и весьма рѣдко упоминали журналы о результатахъ его науч-

ной дѣятельности. Такъ что, ученая дѣятельность Бруна вообще мало извѣстна среди нашей публики. Вѣроятно и теперь можно слышать такое опредѣленіе ея характера между болѣе свѣдущими: «Написалъ три тома о битвѣ при Калкѣ, и все же не опредѣлилъ ни когда была битва, ни гдѣ Калка». Наша цѣль опредѣляется такимъ образомъ желаніемъ указать, куда направилась и къ какимъ пришла результатамъ ученая дѣятельность Бруна?

Первые шаги на томъ поприщѣ, на которомъ впоследствии Брунъ шелъ впереди всѣхъ и на которомъ приобрѣлъ извѣстность и ученую славу, относятся къ сороковымъ годамъ и совпадаютъ съ началомъ дѣйствій на югѣ Одесскаго Общества исторіи и древностей. По своему характеру, замѣчательной скромности и незнанію практической жизни, онъ никогда не могъ стать вліятельнымъ членомъ въ Обществѣ, чтобы направлять его дѣятельность, указывать ему задачи и цѣли, хотя по познаніямъ въ той области, изслѣдованіе которой усвоило себѣ Общество, онъ долженъ занять почетнѣйшее мѣсто въ ряду лучшихъ его представителей. Сорокъ пять лѣтъ онъ былъ дѣятельнѣйшимъ и плодovitѣйшимъ сотрудникомъ и исполнителемъ ученыхъ предпріятій, лежащихъ на Обществѣ; можно смѣло сказать, что труды Бруна украшаютъ Записки Общества. Да не будетъ принято въ осужденіе почетной въ другихъ отношеніяхъ дѣятельности заправляющихъ дѣлами Общества членовъ: мы не можемъ забыть того неприятнаго впечатлѣнія, которое вынесли мы (да и одни ли мы!) изъ засѣданія этого Общества — перваго послѣ смерти Бруна. Лучше совсѣмъ не упоминать о потерѣ члена, чѣмъ упоминать вскользь о такомъ членѣ, каковымъ былъ для Общества покойный!...

Такъ какъ ученая дѣятельность Бруна, въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ, связана съ Обществомъ, нельзя не трактовать совмѣстно о дѣятельности Общества и заслугахъ Бруна. Кому не извѣстно въ Одессѣ странной формы зданіе на биржевой площади? — Это Музей Общества Исторіи и Древно-

стей, для всѣхъ видимый внѣшній знакъ дѣятельности Общества. Въ немъ хранятся результаты раскопокъ и археологическихкихъ находокъ въ южномъ краѣ. Правда, предметы не бросаются въ глаза ни по количеству, ни по качеству. Довольно тѣсное помѣщеніе, скученность и недостатокъ освѣщенія, недоступность для публики многихъ особенно цѣнныхъ предметовъ — все это не можетъ не затруднять посѣтителя. Но не судите по первому впечатлѣнію, всмотритесь внимательно въ предметы на полкахъ и витринахъ — все это сѣдая старина, которую не уничтожило еще время и стихія, и этой сѣдой старины не было бы безъ Одесскаго Общества древностей. — Но что въ ней толку, скажутъ? — Уваженіе къ старинѣ не пустое слово. Уваженіе къ своей старинѣ обращается въ культъ у старыхъ и образованныхъ народовъ. Оно граничитъ съ любовью къ своей національности, съ уваженіями къ своему прошлому. Это чувство вездѣ воспитывается и тщательно оберегается, на немъ основывается національная и культурная миссія народовъ. Оттого такъ дорожатъ у образованныхъ народовъ памятниками древности. Нигдѣ у насъ сѣдая древность не сохранила такихъ ясныхъ слѣдовъ, какъ въ южномъ краѣ и нигдѣ наша археологія не можетъ ожидать такихъ крупныхъ пріобрѣтеній какъ здѣсь, въ Новороссійскомъ краѣ. Если бы мы пренебрегли обязанностью собирать памятники древности, то за это взяли бы англичане или нѣмцы. Почему? — Потому что раскопкамъ и находкамъ въ южной Россіи суждено играть весьма важную роль въ освѣщеніи древней исторіи Европы, въ разъясненіи вопросовъ о первобытныхъ жителяхъ Европы (кельты, скиены), не говорю уже объ известномъ фактѣ продолжительной бодрой и кипучей дѣятельности въ южной Россіи грековъ и римлянъ, которые оставили здѣсь слѣды своихъ вліяній въ разнообразныхъ проявленіяхъ. Не прихоть, не востокъ, не скудость мысли заставляетъ специалистовъ задаваться разрѣшеніемъ вѣкъ современности лежащихъ проблемъ, а научная традиція, долгъ и необходимость. Припомнимъ какой подъемъ національнаго духа имѣли археологи-

ческія изслѣдованія у чеховъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка? Нигдѣ наука не получила широкаго развитія и не становилась популярной безъ изслѣдованія и популяризаціи науки о древности. Посмотримъ какъ тщательно изучены во Франціи и Германіи кельтскій или галльскій, римскій и варварскій періодъ? — Отъ изученія этихъ періодовъ отправляется современная наука. И какія массы публики посѣщаютъ музеи и коллекціи въ большихъ и малыхъ городахъ Европы, съ какимъ любопытствомъ осматриваютъ они свою сѣдую старину?

По многимъ причинамъ Бруну было бы легче и удобнѣе остановиться на той части древности, которая относится къ греко-римскому періоду. На изслѣдованіи относящихся сюда вопросовъ онъ могъ бы достигнуть скорѣе ученой извѣстности по крайней мѣрѣ за границей, съ учеными представителями которой онъ имѣлъ сношенія и связи. И нужно поставить въ особенную честь ему, что онъ скоро сосредоточился на древности скиѣской, византійской и кіевской, внося значительную долю ясности въ постановку и разъясненіе вопросовъ, относящихся до древней русской исторіи. Самъ Филиппъ Карловичъ считалъ особенно счастливымъ этотъ поворотъ въ своей дѣятельности и никогда не раскаявался въ томъ, хотя заслуги его, признанныя въ тѣсномъ кругу, долго не доводились до свѣдѣній публики. Напротивъ, изъ разговоровъ съ нимъ можно было вывести заключеніе, что эта область стала для него любимой и дорогой. Нельзя безъ улыбки вспомнить, какъ онъ стыдился своей первоначальной дѣятельности по вопросамъ политической экономіи и статистики, которымъ имъ посвящено было нѣсколько статей. Онъ не только отрицалъ за ними какое нибудь научное значеніе, но и вообще готовъ былъ отречься отъ своего авторства: «Все производно, часто повторялъ онъ, никакого метода, невозможны правильные выводы; сколько ошибокъ и невѣрныхъ положеній даетъ статистика для вывода!»

Разъ погрузившись въ изслѣдованія по древней геогра-

фіи, історіи и археологіи, Брунъ былъ строгъ и послѣдовательнъ въ трудахъ по своей области. Научное разрѣшеніе географическихъ и археологическихъ вопросовъ выдвигаетъ на первый планъ необходимость путешествій и личного осмотра мѣстности. Извѣстный археологъ Каницъ прямо заявляетъ, что спорные географическіе вопросы должны теперь разрѣшаться не въ кабинетѣ, а подъ открытымъ небомъ, и эти слова имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что они косвенно предназначались для одесскаго археолога. Правда, Брунъ много путешествовалъ и многое видѣлъ и дѣлалъ выводы на основаніи изслѣдованія мѣстности. Но сила его не въ этомъ. Онъ лишень былъ многихъ качествъ, чтобы ѣздить и соображать, описывать мѣстность и провѣрять по этому описанію древняго автора. Онъ чувствовалъ себя лучше не подъ открытымъ небомъ, а въ кабинетѣ — въ поискахъ за забытыми текстами, въ сличеніяхъ и комментаріяхъ находимыхъ имъ текстовъ.

Брунъ былъ и остался идеалистомъ и теоретикомъ. Эти качества обуславливали въ немъ настойчивость, съ которою онъ рылся въ рѣдкихъ изданіяхъ и перечитывалъ полузабытыхъ писателей. Эти же качества способствовали тому, что онъ могъ задаваться иногда неразрѣшимыми вопросами или такими, къ разрѣшенію которыхъ представляется весьма мало данныхъ. Онъ спокойно брался за эти вопросы въ виду возможности разрѣшенія ихъ въ будущемъ, ограничиваясь на первый разъ сведеніемъ мѣсть и сопоставленіемъ между собою фактовъ. Владѣя рѣдкою начитанностью, ознакомившись съ обширною литературой предмета, онъ достигалъ и въ такихъ вопросахъ важныхъ результатовъ — научной постановки ихъ. Единственный мотивъ, который руководилъ ученою пытливостію изслѣдователя, было сознаніе высокой важности и жизненности вопросовъ, касающихся географіи и этнографіи южнаго края. «Не одинъ я пожелаю изучить эти вопросы, будутъ болѣе меня способные, которые лучше поймутъ и осмыслять можугадки», говаривалъ другой профессоръ, пытавшійся выдвинуть изученіе тѣхъ же вопросовъ.

Да позволено будетъ помянуть нѣсколькими словами доброй памяти и того другаго дѣятеля, пытавшагося также выдвинуть мѣстные научные интересы южнаго края. Нужно считать большой потерей, что В. И. Григоровичъ уже на оклопѣ лѣтъ обратился къ тѣмъ вопросамъ, которые всего болѣе занимали его въ послѣдніе годы жизни. Въ молодые годы онъ именно умѣлъ задавать себѣ такіа задачи, которыя разрѣшаются поѣздками, путешествіями, разговорами съ мѣстнымъ населеніемъ, при чемъ хваталъ на лету со словъ собесѣдника намёки и указанія, служившія для него путеводной нитью въ дальнѣйшихъ поискахъ, выводахъ и заключеніяхъ. Эти качества ума и характера со временемъ ослабѣвали, уступая мѣсто нерѣшительности и недоувѣрію къ собственнымъ силамъ, что препятствовало нашему талантливѣйшему изъ славистовъ подробно высказаться по вопросу о научныхъ нуждахъ мѣстнаго края. И за всѣмъ тѣмъ Викторъ Ивановичъ въ краткихъ замѣткахъ и небольшихъ статьяхъ былъ такимъ же новаторомъ въ постановкѣ задачъ археологическаго изученія южнорусскаго края, каковымъ онъ былъ въ славянской филологіи и исторіи. Если суждено когда образоваться у насъ школы со своими опредѣленными задачами и методомъ, то во главѣ этой школы, носителемъ которой будетъ Новороссійскій университетъ, станутъ преданія, идущія отъ Бруна и Григоровича.

Но въ чемъ же состоитъ заслуга Бруна въ той области, важность которой мы пытались выяснитъ и отстаивать? Какія пріобрѣтенія имѣетъ наука въ изслѣдованіяхъ Бруна? — Самоюбой разумѣется, отослать къ его сочиненіямъ — не значитъ еще отвѣтить на эти вопросы.

III.

Изумительная производительность Бруна соединяется съ ругимъ не менѣе рѣдкимъ качествомъ — съ разносторонностію. Бывали періоды, когда онъ въ одно и то-же время занимался нѣсколькими вопросами и готовилъ къ печати три и

болѣе работы разнообразнаго содержанія. Къстати сказать, онъ легче писалъ на нѣмецкомъ и французскомъ, чѣмъ русскомъ языкѣ. Разносторонностью его объясняются многіе весьма оригинальные домыслы и соображенія; ею же обусловливается счастливая способность Бруна подтверждать свои соображенія наблюденіями спеціалистовъ въ областяхъ знанія повидимому совершенно чуждыхъ ему: не разъ онъ ссылается на геологическія и зоологическія данныя. На эту особенность Бруна обращено уже было вниманіе. «Онъ не ограничивался, говорятъ В. Г. Васильевскій, классическою древностію или генуэзскими колоніями, но интересовался тѣмъ и другимъ, а также и вопросами первоначальной русской исторіи. Онъ изучалъ Геродота и написалъ важное сочиненіе о Геродотовой Скиіи; онъ много занимался Страбономъ, но не были ему чужды и уставы италіанскихъ торговыхъ факторій въ средневѣковой Газаріи, и византійскія и арабскія извѣстія о Руссахъ, Печенѣгахъ и Половцахъ. На ряду съ Геродотомъ и Страбономъ г. Брунъ усердно изучалъ Константина Багрянороднаго, Эдриязи и средневѣковыя италіанскіе портуланы. Статьи г. Бруна всегда носили въ себѣ сильнѣе доказательства самаго добросовѣстнаго отношенія къ предмету, и прежде всего, самой обширной начитанности въ источникахъ и пособіяхъ всякаго рода. Давно желательно было видѣть полное собраніе этихъ статей, такъ какъ безъ нихъ нельзя, какъ говорится, шагу сдѣлать въ изслѣдованіяхъ, касающихся исторической географіей южнаго края».

Въ чемъ Брунъ не имѣетъ себѣ соперниковъ, въ чемъ заключается его общепризнанная слава перваго знатока, — южнорусская географія. Масса большихъ и малыхъ сочиненій, если дѣлать по классамъ его ученыхъ произведеній, должна быть отнесена къ этому отдѣлу. Затѣмъ будетъ слѣдовать отдѣлъ статей по исторіи и археологіи, наконецъ — къ третьему отдѣлу нужно причислить критическія замѣчанія или рецензіи въ писателямъ и путешественникамъ, имъ издаваемыя или выведенныя изъ забвенія.

Въ 1858 г. въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ появи-

статьи Бруна: Les diverses dénominations de l'ancienne Hylée и Le littoral de la mer Noire entre le Dnièpre et le Dnièstre. Затѣмъ обѣ эти статьи соединены въ одну и помѣщены въ IV т. Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Наконецъ въ 1879 г. въ сборникѣ «Черноморье» ч. I встрѣчаемъ ихъ подъ заглавіемъ: Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій. Рядъ изслѣдованій, предпринятыхъ Бруномъ въ области средневѣковой исторической географіи береговъ Чернаго моря, вызванъ былъ настоятельною потребностью. Берега Чернаго моря были театромъ важныхъ историческихъ событій не только въ древности, но и въ средніе вѣка. Но въ то время какъ для древности существуютъ авторитетныя описанія Геродота и Страбона, для среднихъ вѣковъ болѣе или менѣе полныхъ и достовѣрныхъ извѣстій не отыскивалось. Между тѣмъ нашего ученаго географа привлекали къ себѣ именно заброшенные въ наукѣ вопросы, въ которыхъ ему приходилось пролагать дорогу. Талантъ ученаго свидѣлствуется не только постановкой научныхъ вопросовъ, но и методомъ, принятымъ имъ. Морскія карты XIV и XV вв., составленныя торговыми людьми италянскаго происхожденія, которыя имѣли на берегахъ Чернаго моря свои факторіи и склады, представляютъ богатый и неисчерпаемый источникъ для исторической географіи. Но воспользоваться имъ и извлечь изъ него матеріалъ—весьма не легко, въ виду совершенной неясности географической номенклатуры. На картахъ встрѣчаются имена, не имѣющія ничего общаго съ древней и новой номенклатурой. Ellexe, Tarlo или Tarlo, Ginestra или Zinestra. Смѣло можно сказать, что воспользоваться такимъ матеріаломъ для разрѣшенія опросовъ средневѣковой географіи могъ только талантливый въ особенности опытный изслѣдователь. Какого успѣха достигъ Брунъ — указываетъ то обстоятельство, что послѣдняя, болѣе полная и ученая карта береговъ Чернаго моря, составлена на основаніи его статей (Атласъ Шпрунера). Нашъ изслѣдователь читаетъ на картѣ странное имя *flor de lisso*

или *flor de lix*. Названіе мѣстности, говоритъ Брунъ, не могло имѣть другаго значенія, кромѣ цвѣтущихъ лилій. Въ настоящее время эти цвѣты не растутъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. За то итальянцы не могли не встрѣчать въ нашемъ краю много другихъ растеній, и въ этомъ числѣ ирисы, растущей и нынѣ въ нашихъ степяхъ. Подобно тому, какъ эти цвѣты простымъ народомъ причисляются къ лиліямъ, берегъ при устьѣ Тилигульскаго лимана, по растущимъ въ этой мѣстности ирисамъ, легко могъ быть названъ *flor de lis* несвѣдущими въ ботаникѣ моряками Италіи, если они, какъ должно думать, различные пункты однообразнаго берега нашего обозначали по предметамъ, которые на каждомъ изъ нихъ въ особенности бросались имъ въ глаза. Этимъ, весьма вѣроятнымъ соображеніемъ объясняется происхожденіе термина Гилек (мѣстность около Алешекъ) отъ лѣсовъ; — Певки (при устьѣ Дуная) отъ сосны. Оказывается, что и мѣстность, занимаемая теперь Одессой, слыла у итальянцевъ по имени растенія, известнаго у насъ дрока, или ему родственнаго, которое въ итальянскомъ называется *ginestra*. — Вотъ какого рода фактами занимается въ этой статьѣ Филиппъ Карловичъ. Нѣтъ сомнѣній, что они не могутъ представлять интереса для большой публики. Но безъ подобнаго рода изслѣдованій не было бы возможно движеніе науки.

Вотъ еще небольшая статья, по существу не менѣе сухая, но богатая выводами и приложеніями: *Обмелѣніе Азовскаго моря*. Обратите вниманіе, развѣ такая тема относится къ географическимъ или археологическимъ сюжетамъ? — Филиппъ Карловичъ выступилъ добровольцемъ къ участію въ рѣшеніи вопроса, на первый взглядъ дѣйствительно подлежащаго компетенціи натуралистовъ. Въ 1862 г. Академіей Наукъ иряжена была комиссія для изслѣдованія причинъ обмелѣнія Азовскаго моря. Академическая комиссія въ своемъ докладѣ каснулась топографіи области Азовскаго моря въ прежнее время, при чемъ должна была опираться на источники историко-географическаго содержанія; тутъ-то и нашелъ нужный встѣ-

вить свое авторитетное слово одесскій ученый. «Этотъ вопросъ важенъ, говоритъ онъ, не только для науки, но также въ отношеніи практическомъ, а потому мнѣ казалось не излишнимъ показать, что комиссія можетъ быть ошибается при опредѣленіи мѣстоположенія Палестры, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ пунктовъ Азовскаго побережья. По крайней мѣрѣ я льщу себя надеждой, что такимъ образомъ содѣйствовалъ бы, по силамъ моимъ, окончательному рѣшенію вопроса, столь тѣсно связаннаго съ благосостояніемъ значительной части здѣшняго края».—Вся статья главнѣйше посвящена опредѣленію положенія гавани Палестры, которую комиссія, на основаніи словъ французскаго путешественника Шардена, отождествляла съ Таганрогской гаванью. А важность этого вопроса для комиссіи обусловливалась показаніемъ того же Шардена, что она находилась въ 20 миляхъ отъ устья Дона и въ 40 отъ Азова, что все вмѣстѣ давало нѣкоторыя соображенія для выводовъ комиссіи. Географическія указанія, сдѣланныя Бруномъ на основаніи средневѣковыхъ итальянскихъ картъ, равно какъ показанія очевидца Эвлія-Эфенди, удачно имъ аналлизированныя, дали ему возможность сдѣлать нѣсколько и иныхъ исправленій въ докладѣ комиссіи и—что важнѣе—доказать, что гавань Палестра находилась на Вѣлосарайской косѣ близъ нынѣшняго Мариуполя, а вовсе не совпадала съ Таганрогомъ.

Есть цѣлый рядъ разысканій подобнаго рода, которыя вынуждаемы были желаніемъ освѣтить средневѣковый нравъ областей, лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря. Безъ всякаго спора, онѣ имѣютъ совершенно спеціальнѣйшій характеръ и прельщаютъ чисто научныя цѣли. Нашей ученой литературѣ онѣ цѣляютъ большую честь, потому что результаты изслѣдованій Бруна входятъ какъ точныя данныя въ высокоученныя нѣмецкія изданія (Атласъ Шпрунера, трудъ Гейда по исторіи средневѣковой торговли на востокѣ). Изслѣдователь по исторической географіи южной Россіи никакъ не можетъ остаться глухъ и къ тѣмъ вопросамъ, которые предъявляетъ къ нему олдѣ сѣдая древность. И въ самомъ дѣлѣ, южнорусскій край

съ его многочисленными остатками классической древности, съ разнообразными проявленіями дѣятельности древнихъ грековъ — представляетъ привлекательное поприще для пытливаго ума. Здѣсь находятся развалины городовъ, описанныхъ Геродотомъ и Страбономъ; здѣсь и до сихъ поръ скрываются подъ землей памятники творчества, языка и письма древнихъ грековъ, служащіе и живущіе служить дополненіемъ и объясненіемъ къ болѣе почитаемымъ писателямъ. Оттого отзывчивымъ и живая натура Бруна не могла не касаться весьма отдаленныхъ эпохъ изъ исторіи южнаго края. Скажемъ даже болѣе, первые шаги его въ изученіи географіи и археологій начнутся именно съ вопросовъ отдаленной древности. Исходной точкой, давшей направленіе дѣятельности Бруна, нужно считать находку *греколатинской* надписи въ селѣ Коротнокъ (*Тиритская надпись*). Не говорю уже о томъ, что сдѣланное Бруномъ чтеніе и объясненіе этой надписи принято въ извѣстномъ берлинскомъ сборникѣ Монисена (*Corpus Inscriptionum Latinarum*) и сама надпись стала общимъ достояніемъ науки какъ документъ, весьма важный для исторіи римскаго господства и вліянія по берегамъ Дуная; — Брунъ наведетъ былъ этой надписью на рядъ домысловъ и предположеній, которыя имѣютъ широкое значеніе въ южнорусской географіи. Съ тѣхъ поръ стали возможны примѣненія фактовъ и явленій, происходящихъ, можно сказать, у всѣхъ на глазахъ, къ объясненію фактовъ и явленій, засвидѣтельствованныхъ древностью. Выдвинутъ былъ вопросъ о перемѣнѣ русла южныхъ рѣкъ, объ исчезнувшихъ рукавахъ Днѣстра, о бывшихъ прежде островахъ, образуемыхъ теченіемъ большихъ рѣкъ и т. п. Всѣ эти вопросы въ свою очередь имѣютъ важность для согласованія данныхъ древней топографіи и гидрографіи съ нынѣшней. Этимъ путемъ Брунъ приходитъ къ приблизительнымъ выводамъ о мѣстоположеніи Тираса, Офіусы, острова Тираетовъ и др.

Болѣе видное мѣсто между изслѣдованіями этого рода занимаетъ «Опытъ согласенія противоположныхъ мнѣній о Ге-

родотовой Скиѣи и смежныхъ съ нею земляхъ», которыми открывається II томъ «Черноморья». Четвертая книга Геродота имѣетъ для русской исторической науки принципиальное значеніе; заключающіяся въ ней извѣстія сравниваются по своей важности для русской науки съ извѣстіями Тацита для германской древности. И нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ попытки внести нѣкоторый свѣтъ въ древнюю русскую географію должны прямо или косвенно имѣть отношеніе къ даннымъ, заключающимся въ четвертой книгѣ Геродота. Исслѣдованіемъ о Геродотовой Скиѣи начинается ученое изданіе Одесскаго Общества исторіи и древностей, оно принадлежитъ имени памятнаму въ русской наукѣ — даровитому Надеждину. Лѣтъ шесть тому назадъ мы читали объявленіе отъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета о преміи Боткина на тему: литература вопроса о Геродотовой Скиѣи и сличеніе описанія Геродота съ нынѣшнимъ видомъ южной Россіи. Въ нынѣшнемъ году вновь поднимался вопросъ въ засѣданіи одного ученаго общества объ отношеніяхъ между скиѣями и славянами. И долго еще наукѣ о русскихъ древностяхъ придется считаться съ данными, заключающимися у Геродота, ибо основныя вопросы нигдѣ не рѣшаются быстро, однимъ взмахомъ пера; напротивъ, разрѣшеніе ихъ идетъ медленно, совокупными усиліями ученыхъ учрежденій и частной предпріимчивости. Въ сужденіи о результатахъ ученыхъ трудовъ Бруна никакъ нельзя опускать изъ виду этого обстоятельства; его пытливость направлялась именно къ изслѣдованію вопросовъ весьма сложныхъ и запутанныхъ, въ которыхъ опытный изслѣдователь никогда не задается цѣлью доказать все или многое. Онъ часто повторялъ: кто хочетъ доказать многое, ничего не докажетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что самыя широкія средства къ привлеченію занятіями древностію весьма желательны и могутъ быть весьма плодотворны, такъ какъ едва ли можно разсчитывать на частную инициативу въ вопросѣ напр. о Геродотовой Скиѣи. Тутъ мало еще знаній и опытности въ изслѣдованіяхъ, нужно

путешествовать и дѣлать крупныя затраты. Статья Бруна о Скиѣи вызвана была предложеніемъ Археологической Комиссіи, столь же лестнымъ для нашего ученаго, какъ заслуживающимъ признательности по отношенію къ Комиссіи. Онъ совершилъ нѣсколько путешествій по южной Россіи, изучилъ трудныя мѣста описанія Геродота. Его трудъ вызвалъ лестный отзывъ со стороны Археологической Комиссіи и появился въ ея изданіяхъ въ 1869 г.

Весьма различны могутъ быть запросы, съ которыми ученые изслѣдователи обращаются къ Геродоту. Брунъ задался цѣлью согласить по возможности съ живою настоящею дѣйствительностью тѣ извѣстія, которыя онъ передаетъ о Скиѣи; согласить противорѣчивыя мнѣнія комментаторовъ и ученыхъ географовъ о системѣ и терминологіи Геродота. Можетъ быть, что самою сильной стороною его изслѣдованія придется признать анализъ и оцѣнку литературы вопроса, которая сдѣлана въ высшей степени старательно и отчетливо. Что касается конструктивной части, она основана «на сличеніи различныхъ гипотезъ прежнихъ ученыхъ географовъ и на предпочтеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которыя болѣе другихъ представляли возможность вѣрить Геродоту на слово, не заставляя гадать природу». Пока приходится имѣть дѣло только съ текстомъ Геродота, едва ли возможно придти къ точнымъ и непоколебимымъ выводамъ относительно его системы и терминологіи. Въ самый годъ смерти Бруна опубликована Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей (В. Н. Юргевичъ, Псифисмъ древняго города Херсониса) новая надпись, найденная на мѣстѣ древняго Херсониса и бросающая нѣкоторый свѣтъ на географію, равно какъ дополняющая исторію Крымскаго полуострова. Новая находка могла бы конечно побудить Филиппа Карловича сдѣлать перемѣны и поправки въ его статьѣ относительно общаго взгляда Геродота на южную Россію (мѣстоположеніе Керкинита, Балось-Лимина и др.). Но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отдать полную честь и знаніямъ, и начитанности и остроумію автора. Онъ слѣдитъ за Геродотомъ шагъ за шагомъ, стараясь опис-

дать его систему. И раскопки, производившіяся въ послѣднее время на югѣ Россіи, и роды рыбъ, водящихся въ южныхъ рѣкахъ, и случайные на первый взглядъ наносы песку съ находящимися въ нихъ обломками глиняной посуды, колець, украшеній и т. п. — все призываетъ Брунъ въ свидѣтели къ разрѣшенію тѣхъ вопросовъ, о которыхъ не говорятъ источники. Сознавая, что имѣющіеся тексты не могутъ подвинуть постановки вопросовъ, связанныхъ съ Скиѳіей Геродота, онъ съ настойчивостью проводитъ мысль о продолженіи раскопокъ. «Я не отказался бы отъ этого мнѣнія даже и въ такомъ случаѣ, если бы здѣшніе курганы оказались расхищенными и если бы раскопка ихъ не доставила столь блистательныхъ результатовъ, какъ раскопка нѣкоторыхъ кургановъ Екатеринославскаго уѣзда. Опустошеніе могилъ совершалось ближайшими потомками погребенныхъ, между которыми свѣжи еще были преданія и память о томъ, въ какую именно могилу положены искомыя богатства». У Бруна хороши всегда частности и детали; можетъ измѣниться взглядъ на предметъ вообще, успѣхи науки могутъ пойти весьма далеко, но замѣчанія Бруна на частности извѣстій Геродота на долго сохранять за собой силу. Дошедши до опредѣленія мѣста, занимаемаго Будинами и указывая его въ окрестностяхъ Павлограда, между Самарой и р. Волчьей, Брунъ затрудненъ нѣсколько тѣмъ, что у Геродота есть описаніе озера въ землѣ Будиновъ. Указанія на существованіе такого озера онъ находитъ въ мѣстныхъ названіяхъ: водяной оврагъ, лиманъ соленой, Лѣспая, Дубравая, оврагъ Лозоватый — названія, указывающія или на озерную область, или на низменность, которая въ древности могла быть покрыта водой.

Географическія изысканія тѣсно граничатъ съ *историко-археологическими*. На Черномъ морѣ и въ южнорусскихъ областяхъ ранѣе появляются имя Руси и Варяговъ, чѣмъ на сѣверѣ. Русская историческая наука имѣетъ такимъ образомъ такія же независимыя и важныя задачи въ изученіи южнорусскаго края, какъ наука грекоримской древности. Историческій

элементъ встрѣчается не только въ географическихъ изслѣдованіяхъ Бруна, но представляется независимымъ и самостоятельнымъ въ значительной части трудовъ. И само собой разумѣется, больше историческимъ статьямъ обязанъ Брунъ своею извѣстностью въ Россіи, чѣмъ географическимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей въ высшей степени важны и интересны.

Слѣды рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, — статья появившаяся въ первый разъ въ 1862 г. Основная мысль ея: древнѣйшая и тѣсная связь кievской Руси съ черноморской или тмутараканской. Эта мысль имѣетъ глубокий интересъ для русской науки, и обрабатываема была въ послѣднее время многими нашими учеными. Исходя изъ положенія, что запорожскіе казаки возвращались изъ походовъ на Черное море черезъ Керченскій проливъ въ Азовское море, потомъ Донскимъ лиманомъ и Кальміусомъ плыли до Волчьей рѣки, что, минуя затѣмъ небольшой волокъ, входили въ Самару, которая вводила ихъ въ Днѣпръ, — Брунъ строитъ гипотезу о водномъ пути между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. Для оправданія такой теоріи автору пришлось коснуться основныхъ вопросовъ русской исторіи. Извѣстно, сколько въ древней русской исторіи есть неяснаго, недосказаннаго, напр. по вопросу о земляхъ, подвластныхъ на югѣ русскимъ князьямъ и о разселеніи русскаго племени. Бруна привлекали эти вопросы съ неотразимою силой: всякая хотя бы и небольшая находка въ этомъ отношеніи, каждая новая гипотеза пріветствуема имъ была съ живѣйшимъ сочувствіемъ и составляла для него истинное торжество. Выходя изъ того основанія, что побережье Азовскаго моря было доступно для русскихъ еще при Игорѣ, Брунъ разсматриваетъ наши извѣстія о походѣ на Константинополь первыхъ князей, о мѣстожителствѣ Угличей, объ отношеніи русскихъ князей къ Керчи и Воспору. Чтобы бросить новый взглядъ на эти вопросы, нужно запастись массою новыхъ свидѣтельствъ и историческихъ указаній, которыя были или недосмотрѣны или не такъ поняты прежними изслѣдователями. Никто не и

жетъ упрекнуть Бруна въ недостаткѣ внимательности въ источникахъ, никогда не оставлялъ онъ затрогиваемые вопросы неисчерпанными. У него всегда оказывалось богатство доводовъ и доказательствъ на самыя даже спорныя положенія. Предвзятая мысль иногда увлекала его слишкомъ далеко и заставляла больше усматривать въ источникахъ, чѣмъ это позволительно. Но намъ сочувственны и увлеченія Бруна: въ потьмахъ нельзя идти такой же твердой поступью, какъ по освѣщенной и ровной дорогѣ. Догадки и догадки всегда имѣли и будутъ имѣть мѣсто въ наукѣ.

Древнерусскій Суроужъ, или Судакъ на южномъ берегу Крыма, средневѣковья твердыня котораго сохранились еще и до сихъ поръ, долгое время игралъ въ исторіи важную роль, такъ что по его имени называлось Черное море и весь Крымскій полуостровъ. Древняя исторія этого города, основаннаго въ 212 г. христіанской эры, возбудила интересъ въ нашемъ ученомъ и послужила содержаніемъ статьи *Матеріалы для исторіи Судеи*. Мастеръ дѣла придавъ спеціальному на первый взглядъ вопросу широкое историческое значеніе. Съ Сурожемъ связываются полузабытыя преданія о крещеніи здѣсь какого-то князя Руссовъ, въ которомъ Брунъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, усматриваетъ князя Владиміра. По этому случаю вспоминается и подтверждается новыми доказательствами любимая тема объ исконыхъ сношеніяхъ Руси съ Азовскимъ моремъ и Крымомъ. Исторія господства въ Крыму грековъ, татаръ, въ особенности итальянцевъ освѣщена любопытными фактами, заимствованными изъ средневѣковыхъ писателей и путешественниковъ. Открытыя въ Судагѣ надписи въ недавнее время позволили автору обрисовать живыми красками внутренней строй, данный этому городу генуэзцами.

Пытаясь бросить свѣтъ на начало Русской исторіи, нашъ ученый съ большою внимательностію изучалъ тѣ разнородные ипородческіе элементы, которыхъ пребываніе въ южной Россіи засвидѣтельствовано памятниками и которые должны были вступать въ разнообразныя сношенія съ Русью. Результатъ подоб-

наго изученія представляетъ между прочимъ статья: *Черноморскіе топы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи*. Не можетъ не затруднять желающаго воспользоваться изслѣдованіями Бруна то обстоятельство, что весьма запутанные и спорные вопросы въ нашей исторіи, къ которымъ чувствовалъ онъ замѣтное влеченіе, трактуются имъ не сами по себѣ, а ставятся въ зависимость отъ другихъ, болѣе или менѣе второстепенныхъ. Такъ въ названной статьѣ находимъ значительный отдѣлъ, посвященный доказательствамъ теоріи скандинавскаго происхожденія основателей русскаго государства; поводомъ къ внесенію этого отдѣла служить извѣстная записка Готскаго топарха. Нужно перечестъ всѣ его статьи, чтобы подвести итогъ сдѣланнымъ имъ выводамъ и придти къ заключенію о томъ, какія изъ его положеній могутъ быть приняты безспорно и какія должны оставаться предметомъ, предложеннымъ къ разсмотрѣнію и обслѣдованію. Въ исторіи науки имѣетъ право на почетъ и признательность не только тотъ, кто рѣшаетъ спорные вопросы, но и кто даетъ постановку вопросамъ и ставитъ задачи для пытливости другихъ. Въ смыслѣ постановки историческихъ задачъ, укажемъ на весьма любопытное изслѣдованіе: *Объ участіи Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ*. Эта статья была помещена въ 1877 г. въ Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія и имѣла за собой всю привлекательность современности. Она отвѣчала на весьма живые тогда запросы объ историческихъ отношеніяхъ Россіи къ Болгаріи и указывала на участіе русскихъ въ судьбахъ Болгарскаго царства, относящееся къ весьма отдаленнымъ временамъ. Что еще важнѣе — Брунъ напомнилъ полузабытое мѣсто Воскресенской лѣтописи о городахъ дальнихъ и ближнихъ, между которыми причислены къ русскимъ: Видинъ, Терновъ, Силистрія, Варна, Яссы, Сочава и др. Мысль о распространеніи русскаго элемента до Дуная, какъ извѣстно, не совсѣмъ новая, но далеко нельзя еще сказать, что русская наука собрала всѣ данныя, относящіяся къ вопросу о разселеніи русскаго племени въ занятыхъ имъ мол-

даванами, валахами и трансильванцами земляхъ и вывела бы отсюда необходимыя заключенія. Научная важность поставленнаго Бруномъ вопроса сказывается въ томъ обстоятельствѣ, что русскіе принимали участіе въ судьбахъ Болгаріи и въ XII в., какъ это доказано было другими изслѣдователями въ 1879 г., не говоря уже о болѣе раннихъ событіяхъ, относящихся ко времени Святослава.

Есть еще особый родъ трудовъ Бруна, носящихъ также географическій и историческій характеръ, — это переводы и комментаріи путешественниковъ. Въ особенности имѣемъ въ виду «*Путешествіе Ивана Шильтбергера по Европѣ, Азій и Африкѣ съ 1394 по 1427 г.*». Этому труду Бруна весьма посчастливилось въ особенности за границей. Въ слѣдъ за русскимъ изданіемъ перевода и примѣчаній въ 1866 г., въ I т. Записокъ Новороссійскаго Университета, примѣчанія Бруна къ путешествію Шильтбергера появились на нѣмецкомъ языкѣ въ Запискахъ Баварской Академіи наукъ (Мюнхенъ, 1869 г.). Затѣмъ нашъ ученый приглашенъ былъ къ участію въ изданіи того же путешественника на англійскомъ языкѣ. Въ изданіи Тельфера, напечатанномъ въ Лондонѣ въ 1879 г., большая половина примѣчаній, украшающихъ это изданіе, принадлежитъ Бруну. Уже это обстоятельство, взятое само по себѣ, громко говоритъ объ ученой извѣстности комментатора и о важности писателя, взятаго имъ подъ свою защиту.

Надъ сроднымъ по характеру съ упомянутымъ трудомъ провелъ Брунъ послѣдній годъ своей жизни. Этотъ послѣдній по времени трудъ остается еще въ рукописи, что и побуждаетъ насъ сказать объ немъ въ заключеніе нѣсколько словъ, такъ какъ въ сущности ни одной работы Бруна нельзя считать малою, всѣ заслуживали бы анализа или хотя бы указанія основныхъ темъ, въ нихъ развиваемыхъ. Рукопись на французскомъ языкѣ, приготовленная вѣроятно для какого нибудь иностраннаго изданія, имѣетъ слѣдующее заглавіе: Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques au commencement du XV-e siècle. Fragment de l'Itinerario de Clavijo, tra-

duit et accompagné de Notes historiques explicatives. (Константинополь, его церкви и мощи въ началѣ XV в. Отрывокъ изъ путешествія Клавихо съ переводомъ и историческими примѣчаніями). Испанскій посолъ Клавихо, на пути въ Самаркандъ, посѣтилъ Константинополь въ 1403 г. и внесъ въ свои записки свѣдѣнія о лицахъ и описаніе предметовъ, обратившихъ на себя его вниманіе; по преимуществу же онъ занимается описаніемъ церквей и монастырей. Исконное уваженіе, питаемое нашими предками къ святынямъ Константинополя, свидѣтельствуется рядомъ благочестивыхъ путешествій въ Царьградъ и подробными описаніями его церквей и монастырей. Свидѣтельство испанскаго путешественника можетъ, такъ или иначе, имѣть для насъ значеніе новаго источника для ознакомленія съ христіанскими древностями Царьграда. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ тексту Клавихо Брунъ дѣлаетъ любопытныя историческія соображенія и сообщаетъ новыя данныя къ топографіи Константинополя. Едва ли не въ первый разъ видимъ здѣсь примѣненіе превосходнаго ученаго труда графа Ріана Ехивіае sacrae Constantinopolitanae. Было бы весьма желательно, чтобы Новороссійскій Университетъ или другое русское ученое учрежденіе, вѣдающее изученіе древностей, приняло на себя заботу издать этотъ послѣдній небольшой трудъ Бруна.

Преклоняясь передъ массою ученыхъ трудовъ Филиппа Карловича, которые направляются къ разъясненію весьма привлекательныхъ для русскаго вопросовъ и которые должны служить точкой отправленія для научной дѣятельности молодыхъ силъ южнаго края, мы закончимъ рѣчь пожеланіемъ, чтобы любовь къ старинѣ переходила у насъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, чтобы Новороссійскій Университетъ сдѣлался рассадникомъ новыхъ дѣятелей въ изученіи южнорусскаго края, чтобы

завѣты Вруна сдѣлались девизомъ южнорусской школы, которая должна образоваться рано или поздно въ университетѣ и взять на себя разработку какъ выдвинутыхъ уже имъ вопросовъ, такъ и многихъ другихъ, о которыхъ онъ, можетъ быть, только мечталъ! Исполненіе такого пожеланія было бы лучшимъ памятникомъ безкорыстной дѣятельности на югѣ того скромнаго труженика, въ могилѣ котораго въ мѣстечкѣ Славутѣ, вдали отъ родныхъ и почитателей, не будетъ проложена торная тропа.

Приложенія¹⁾.

I.

Перечень трудовъ Ф. К. Бруна, въ порядкѣ ихъ появленія въ печати.

1. Discours sur l'enseignement de la statistique dans les gymnases, prononcé à la solennité anniversaire du Lycée Richelieu le 30 Août 1835. Odessa 1836. 16 стр. 8°.

2. О вѣшной торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи за 1839 по 1845 гг. (въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1840 по 1846 гг.).

3. Руководство къ сравнительной статистикѣ европейскихъ государствъ. Одесса 1842. 201 стр. 8°.

(Соч. это удостоено похвальнаго отзыва отъ С.-Пб. Акад. Наукъ).

4. Рецензіи сочиненій: Preller, Ueber die Bedeut. d. Schwarzen Meeres и Herrmann, Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs (въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. I 1844 г.).

5. О вѣшной торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи съ 1834 по 1843 годъ (Сводъ за 10 лѣтъ). 20 стр. 8° (въ Новорос. Календ. на 1845 г.).

6. О значеніи статистики въ кругу государственныхъ наукъ. Рѣчь произп. въ Ришел. Лицеѣ. Одесса 1845. 29 стр. 4°.

7. О вѣшной торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1846 г. (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. II отд. I. 1848 г.).

8. Слѣды лагеря Карла XII, возлѣ Бендеръ у сел. Варницы. (тамъ-же, Т. II отд. 2. 1850 г.).

9. Рецензіи соч. Neumann, Die Völker des südl. Russlands и De la Primaudaie, Etudes sur le commerce au nouen-âge (тамъ-же).

---

¹⁾ Оба приложенія сообщены автору Л. Ф. Бруномъ.

* 10. О мѣстоположеніи Тираса. Одесса 1852. 22 стр. 4^о (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. III 1853 г.)¹⁾.

11. Путешествіе Гильбера де-Ланнуа по Южной Россіи. въ 1421 году. Одесса 1852. 33 стр. 4^о (тамъ-же).

12. Sur l'emplacement d'un chateau construit au bord du Dnièstre en 1421. (въ Journ. d'Odessa 1852. № 17, 18).

* 13. L'île des Tyragètes. (тамъ-же, № 26, 27).

14. La bouche de Kilia du Danube. (тамъ-же, № 31, 32).

15. Les noms de la ville d'Akkerman. (тамъ-же, № 42).

16. Sur la position des villes d'Ornas, de Tanais et de Tomi. (тамъ-же, № 85, 86).

* 17. О Килійскомъ устьѣ Дуная. Рѣчь произн. въ Ригел. Лицеѣ 21 Іюня 1853 г. Одесса 1853. 42 стр. 4^о.

* 18. Островъ Св. Еверія. Одесса 1853. 20 стр. 8^о (въ Новорос. Календ. на 1854 г.).

* 19. Нѣчто о Добруджѣ. (въ Одесск. Вѣсти. 1854 г. № 45).

20. Островъ Певки. (тамъ-же, № 90, 91).

21. Henri Guillaume Bruun. Nécrologue. (въ Journ. d'Odessa 1854. № 15).

22. Remarques sur la Dobroutscha. (тамъ-же, № 57, 58).

23. Замѣтки относящіяся въ древней топографіи Новороссійскаго края и Бессарабіи. Одесса 1855. 30 стр. 8^о и 1^а повня изд. 1856, 1857 и 1858 гг. (въ Новорос. Календ. на 1856, 1857, 1858 и 1859 гг.).

24. Notices sur la topographie ancienne de la Nouvelle Russie et de la Bessarabie. Odessa 1857. 76 стр. 8^о (въ Journ. d'Odessa 1857 г.).

25. L'ancienne Hylée et ses diverses dénominations (въ Bulletin de l'Acad. des Sc. de S. Pbg. 1859. Т. I стр. 367—373).

¹⁾ Статьи отмѣченныя звездочкой помѣщены въ новомъ изданіи или въ извлеченіи въ сборникѣ «Черноморье».

26. Le littoral de la mer Noire entre le Dnièpre et le Dnièstre d'après les cartes hydrographiques du XIV et du XV s. (тамъ-же, стр. 373—392).

*27. О позднѣйшихъ названіяхъ древней Гилея (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. IV отд. II. 1860 г.).

*28. Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV ст. (тамъ-же).

29. Некрологъ Тетбу де Мариньи (тамъ-же).

30. Quelques remarques à propos du rapport d'une commission d'académiciens de St.-Pétersbourg, inséré dans le Bulletin (V p. 71—105) sous le titre: Sur la prétendue diminution de profondeur de la mer d'Asof. 11 стр. 8° (въ Journ. d'Odessa 1862).

*31. Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море. Одесса 1862. 50 стр. 4° (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. V. 1865). (Отзывъ объ этой статьѣ В. И. Григоровича въ Херс. Епарх. Вѣдом. 1866 г.).

32. Некрологъ М. Палеолога (тамъ-же).

33. Переводъ съ прим.: Отзыва академикомъ Кёлера и Грефе о соч. Бларамберга, Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride (тамъ-же).

*34. Обмелвнїе Азовскаго моря (тамъ-же).

*35. Донесеніе о поѣздкѣ въ устьямъ Буга и Днѣпра въ 1862 г. (тамъ-же).

36. Einige Worte über die bisherigen Leistungen und den gegenwärtigen Bestand der Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde. Odessa 1863. 22 стр. 16°.

37. Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités, et sur ses mémoires. Odessa 1864. 55 стр. 8°.

*38. Судьбы мѣстности занимаемой Одессою. Одесса 1865. 33 стр. 8° (въ Труд. Одесск. Статист. Комит. Вып. I).

39. Путешествія Ивана Шильдбергера по Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ 1394 по 1427 г. Переводъ и примѣчанія. Одесса 1866. 156 стр. 8° (въ Зап. Имп. Новор. Унив. Г. I. 1866 г.).

*40. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie. SPb. 1866. 100 стр. 4°. (въ Мém. de l'Acad. Imp. des Sc. de SPb. VII-e Sér. T. X № 9).

(По поводу этой статьи были помѣщены въ Bulletin de l'Acad. d. Sc. de SPb. 1868 г. письма Гейда; рецензія С. Н. въ Liter. Centralblatt 1868, стр. 882).

41. О дипломатическихъ сношеніяхъ египетскаго султана Вибарса съ золотоордынскимъ ханомъ Берке. 12 стр. 4°. (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. VI 1867 г.).

42. Крымскій полуостровъ около половины XVIII ст. 28 стр. 8°. 1867. (въ Новорос. Календ. на 1868 г.).

*43. О родствѣ Гетовъ съ Давами, сихъ послѣднихъ съ Славянами и Румыновъ съ Римлянами. 37 стр. 4°. (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. VII. 1868 г.).

44. О Книмеріанахъ Геродота и переселеніяхъ Книрскаго племени. Переводъ съ англійск. съ примѣчаніями. 24 стр. 4°. (тамъ-же).

45. Румынскія Княжества и Бессарабія около половины XVIII ст., перев. и прим. (въ Зап. Бессарабск. Статист. Ком. Т. III. 1868 г.).

*46. Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѣи и смежныхъ съ нею земляхъ. Съ картою. С.-Пб. 1869. 110 стр. 4° (во 2 вып. Древн. Герод. Скиѣи. изд. Археол. Ком.).

47. Geographische Bemerkungen zu Schiltbergers Reisen. 55 стр. 8° (въ Sitzgb. der Bayr. Akadem. der Wiss. München, 1869 II, 1870 I, II).

48. О странствованіяхъ царя-пресвитера Іоанна. Одесса 1870. 56 стр. 8° (въ Зап. Имп. Новор. Унив. Т. V 1870 г.).

49. Одесское Общество Исторіи и Древностей, его записки и археологическія собранія. Одесса 1870. 35 стр. 8° (въ Труд. Од. Статист. Ком.).

50. Запѣтки турецкаго туриста о состояніи Закавказскаго края около половины XVII вѣка. (въ газ. Кавказъ 1870 г. № 64, 65 и 68).

* 51. Матеріали для исторіи Сугден. Одесса 1871. 38 стр. 8°. (въ Новорос. Календ. на 1872 г.) (Эта статья переведена на итальян. яз. г. Р. С. Remondini для Лигурійскаго Общ. въ Генуѣ).

52. Начало Валашскаго княжества (по Реслеру) (въ Зап. Бессар. Стат. Комит. Т. IV 1871 г.).

53. Начатки Молдавскаго государства (тамъ-же).

* 54. О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи. Топографическія и историческія замѣтки. Москва 1872. 40 стр. 4° (въ Труд. I-го Археолог. Съѣзда въ Москвѣ).

* 55. Периплъ Каспійскаго моря по картамъ XIV стол. Одесса 1872. 34 стр. 8°, съ 2 карт. (въ Зап. Имп. Новор. Унив. Т. VIII 1872 г.).

56. Неудачная осада Азова Турками въ 1641 г. 21 стр. 4° (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. VIII 1872 г.).

57. Рецензія: «Atlante idrografico del medio evo» и пр. 12 стр. 4° (тамъ-же).

58. Тридцатилѣтіе Одесск. Общ. Ист. и Древн., его записки и археологическія собранія. 24 стр. 4° (тамъ-же).

29. Археологическая развѣдка нѣкоторой части Ольвіи (вмѣстѣ съ г. Аркасомъ) (тамъ-же).

60. Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Hérodote et aux contrées limitrophes. Av. 1 carte. S.-Pb. 1873. 127 стр. 4° (во 2 вып. Recueil d'antiq. de la Scythie).

61. Путевыя записки Эриха Лассоты, отправленнаго римск. имп. Рудольфомъ II въ Запорожцамъ въ 1594 г. Переводъ и примѣч. С.-Пб. 1873. 95 стр. 8°. (Реценз. въ Од. Вѣстн. 1873. г. № 137).

62. О рукописи путешествія Бертрандона де ла Брокіера (въ Древност., Труды Моск. Археол. Общ. Т. III 1873 г. стр. 172—175).

* 63. Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи. С.-Пб. 1874. 60 стр. 8° (въ Зап. И. Акад. Наукъ Т. XXIV).

64. Рецензія: Atlante idrografico del medio evo etc., 20 стр. 8° (въ Giornale Ligustico Vol. I, Genova 1875).

65. Путешествіе турецкаго туриста вдоль по восточному берегу Чернаго моря. 28 стр. 4° (въ Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. IX 1875 г.).

* 66. Восточный берегъ Чернаго моря по древнимъ перипламъ и по компасовымъ картамъ. 20 стр. 4° (тамъ-же).

67. Notice sur la Société Impériale Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et sur ses mémoires. 2-de éd. rev. et compl. Odessa 1875. 48 стр. 8°.

* 68. О резиденціи хановъ Золотой Орды до времени Джанибека I. Кіевъ 1876. 10 стр. 4°. (въ Труд. 3-го Арх. Съѣзда въ Кіевѣ).

* 69. О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время. Кіевъ 1876. 8 стр. 4°. (тамъ-же).

70. Ueber die Verwandlungen des Presbyters Ioannes (въ IV Т. Verhandlungen der K. Gesellschaft der Erdkunde in Berlin, 1876).

* 71. О разныхъ названіяхъ Берчи и ея окрестностей въ древности и среднихъ вѣкахъ. Одесса 1877. 32 стр. 8° (въ Зап. Имп. Нов. Ун. Т. XXIII 1877 г.).

* 72. Нѣкоторыя историческія соображенія по поводу названія Добруджи. 15 стр. 8° (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г.).

73. Quelques mots sur l'ancienne topographie de la Tauride. Le temple d'Iphigénie et le Fanum Doemonis Virginis de Strabon. (въ Journ. d'Odessa 1878 № 6, 7 et 9).

74. Номенклатура карты Чернаго моря XIV в., помѣщенной въ атласъ Spruner-Menke, Lief. 19. Gotha 1878.

75. Исторія Болгаръ, соч. К. I. Иречка. Переводъ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова. Одесса 1878. 785 стр. 8° (Рец. въ Revue des quest. histor. 1880 г.).

* 76. Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV ст. 12 стр. 8° (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г.).

77. Die Goten am Pontus und die Spuren ihres lange andauernden Aufenthalts im südlichen Russland. Uebersetzt von F. Remy. Odessa 1879. 83 стр. 8°. (Разборъ въ Revista de Ciencias historicas, Barcellona 1880, стран. 393—404).

78. The bondage and travels of Johann Schiltberger, translated by J. Buchan Telfer. With Notes by prof. P. Bruun. London, Hakluyt Society, 1879. 263 стр. 8°. (Рец. въ Liter. Centralbl. 1880, 8 Mai).

*79. Zur Geschichte und Geographie der Insel Chorlitza (въ Odessaer Zeitung 1879 г. №№ 272—280).

80. Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи Южной Россіи (1852 — 1877 г.). Часть I. Одесса 1879. 277 стр. Часть II 1880. 408 стр. 8°, съ 2 карт. и 1 табл. (въ Зап. Имп. Нов. Ун. Т. XXVIII и XXX). (1 ч. удостоена Уваровск. преміи. Разборъ—проф. Васильевскаго. Спб. 1879. 26 стр. 8°; — Караулова въ Од. Вѣстн. 1879 № 161; — Русск. Стар. 1880 № 2).

Неизданные труды. Литографированныя лекціи: 1) Исторія древнихъ народовъ Востока. 304 стр. 4° и 2) Исторія географическихъ открытій. Ч. I 1877 г. 186 стр. 4°; рукописи: 3) Les voyages de J. Schiltberger; 4) Les migrations du regretre-Jean; 5) Странствованія Эвлія-Эфенди по Кавказскому краю въ 1646 и 47 гг. 82 стр. 4°. (Переводъ безъ примѣч.) и 6) Constantinople, ses sanctuaires et ses reliques u comme cement du XV-e siècle. Fragment de l'Itinerario e Clavijo, traduit et accompagné de notes historiques explicatives. 90 стр. 4°.

II.

Указатель некрологовъ и воспоминаній, посвященныхъ памяти
Ф. К. Бруна.

1. Новороссійскій Телеграфъ, 11 Юня 1880 г., № 1591 — *Федора Успенскаго*.
2. Берегъ, 11 Юня 1880 г., № 78.
3. Правда, 12 Юня 1880 г., № 150.
4. Одесскій Вѣстникъ, 13 Юня 1880 г., № 132 — *Блюдарнаго слушателя*.
5. Moskauer Deutsche Zeitung, 13 Юня 1880 г.
6. Beiblatt der S.-Petersburger Zeitung, 14/26 Юня 1880 г.
7. Елисаветградскій Вѣстникъ, 1880 г., № 63 — *В. Ястребова*.
8. Gazeta Polska. Warszawa, 1 Липца 1880 г. № 143—D.
9. Odessaer Zeitung, 27 Juli 1880, № 167 — *F. Ренту*.
10. Новороссійскій Телеграфъ, 12 Августа 1880 г., № 1640 — *П. Юрченко*.
11. The Times, 28 August 1880, № 29972.
12. The Academy, 4 September 1880, № 435, p. 172.
13. The Athenaeum, 4 September 1880, № 2758, p. 305.
14. Illustrazione Italiana, 10 Octobre 1880, № 41, p. 227.
15. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Октябрь 1880 г., стр. 106—116 — *А. Б.*
16. Russische Revue, 1880 Heft X, p. 361—373 — *a*.
17. Polybiblion, Paris 1881 Janvier, p. 82.
18. Giornale Ligustico, Genova 1881, fascicolo II — *C. Desimoni*.
19. Jahresbericht über die Fortschritte d. class. Alterthumswissenschaft, Berlin 1881, Bd. XX p. 22, 23.
20. Revue Historique, Paris Mai—Juin 1881, p. 253.
21. Записки Одесскаго Общ. Истор. и Древн. (некрологъ печатается въ XII томѣ).